

Сергей Платов

Собака снова человек!

Что за напасть! Если не Шарик — так Золотуха!

Собака тоже человек!

Сергей Платов

Собака снова человек!

2005

Платов С.

Собака снова человек! / С. Платов — 2005 — (Собака тоже человек!)

Приключения? Борьба с нечистой? Милые загулы и не менее приятные попойки? Нет, теперь у молодого колдуна Даромира всё это позади. Он твердо решил стать другим человеком, усиленно догрызает гранит науки в «Кедровом скиту» и готовится стать законным мужем рыжеволосой Селистены. Что, не верите? И правильно делаете! Хитроумная интрига, которую виртуозно закрутила весьма эффектная ведьма, вновь заставляет Даромира потряхнуть стариной и окунуться с головой в водоворот событий. Теперь он не недоученный юнец, а дипломированный колдун, а следовательно, вполне резонно ждать легкой победы над врагом. И наверняка всё так бы и случилось, если бы не очередное незапланированное превращение. Одно неловкое движение – и воспользоваться всей своей колдовской мощью уже не представляется возможным. Хорошо еще, что рядом, как всегда, оказываются старые друзья: огромная и местами добрая Едрена-Матрена, ратники Фрол и Федор, верный пес Шарик и конечно же обожаемая, но непредсказуемая боярышня Селистена.

Содержание

Действующие лица:	5
* * *	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей ПЛАТОВ

СОБАКА С НОВА ЧЕЛОВЕК!

Действующие лица:

- Даромир* — доученный колдун, но всё тот же балбес;
Серафима — ведьма с мутным прошлым и туманным будущим;
Серогор — великий, но слегка занудный белый колдун;
Антип — премьер-боярин, ну о-очень серьезный государственный деятель;
Селистена — боярская дочка, несколько успокоившаяся с годами и морально готовая к спокойной семейной жизни;
Кузьминична — бывшая нянька Селистены, строгая, но справедливая;
Бодун — князь, любит выпить, не любит заниматься своими прямыми обязанностями, в настоящий момент является счастливым молодоженом;
Сантана — новая супруга Бодуна, княгиня и ведьма в одном лице. Красивая и эффектная дама неопределенного возраста;
Феликсист — сын князя, любимый цвет — голубой;
Демьян — дальний родственник князя, во время прошлых приключений получил от Даромира хороший урок, но соответствующих выводов не сделал;
Едрена-Матрена — хозяйка трактира, огромная и добрая;
Фрол и Федор — ратники, любят выпить, добрые по мере возможности;
Шарик — пес, большой, зубастый, верный, как все собаки, наипервейший княжеский кобель, причем в буквальном смысле этого слова;
Барсик — кот, пушистый, вредный, как все коты;
Золотуха — очаровательная сука рыжей масти (сука — это не свойство души, а половая принадлежность);
Тинки и Винки — представители нетрадиционного вида нечисти, решительно вставшие на путь исправления и порвавшие с темным прошлым.
Нечисть: *спиногрызы горные, спиногрызы луговые, вампиры-живоглоты, петуния гигантская, барбуляк обыкновенный, живолизы, сыроглоты, пробьши, зенделюки, топлята, донные водяные.*
А также: *колдуны, ратники, торговцы, молодухи и прочий народ.*

События происходят в далекой, почти сказочной Руси до ее крещения. Тогда сказка вполне мирно сосуществовала с повседневной жизнью, а колдовство и чародейство было обычным, почти повседневным делом.

* * *

*Я увяз, как пчела в сиропе,
и не выбраться мне ужже,
Тонкий ирам на прекрасной попе —
рваная рана в моей душе!*

М. Фрейдкин

Да, уж на этот раз я явно переборщил. Сами посудите, я, почти великий колдун, гроза нечисти, специалист по влипанию в самые безвыходные ситуации, сижу глубокой ночью в своей светелке и грызу гранит колдовской науки. Да-да, вы не ослышались! Не пью медовуху, не куролещу с друзьями, не обхаживаю очередную красавицу, а банально учу всевозможные заклинания. Притом заметьте: никто надо мной с глубиной не стоит и не контролирует этот сомнительный процесс. Я это делаю сам, исключительно по доброй воле. О боги, до чего же я докатился!

Если кто меня не помнит, так я могу и представиться – небось не развалюсь. Я – Даромир. Победитель горных спиногрызов, гигантской петунии, романтически настроенных вампиров и конечно же пакостного оборотня Филина (жаль, меня придержали, а то в этом списке однозначно присутствовал бы и черный колдун Гордобор).

Вообще-то все мои похождения воспела в своей балладе парочка нестандартной нечисти в лице двух луговых спиногрызов Тинки и Винки, так что вы наверняка в курсе всех моих подвигов.

Неужели не всех?! Странно. Наверное, вы просто запомнили. Ну это ничего, я могу и напомнить. Свечей у меня полно, до рассвета далеко, так что вполне могу напомнить о моих похождениях трехлетней давности. Так сказать, как я докатился до такой жизни.

Начну с самого начала. Мое детство и юность, думаю, никому особенно не интересны. Скажу только, что воспитала меня ведьма. Причем хочу заметить: ведьма – это не склад души, а исключительно принадлежность к определенной профессии. Так вот, меня воспитала большой специалист в своей области, моя ненаглядная Серафима. Или, как я ее по-простому называю, баба Сима. Нет, вы не думайте, она совсем еще не старая, просто так мне больше нравится. Далее, у моей бабаныки оказался старый... как бы поточнее сказать... Ну в общем, что-то навряд ли друга, но в более глубоком смысле этого слова.

И уж коли сама Симочка была, мягко говоря, не рядовая, то и дружка она подобрала себе под стать – белого колдуна Серогора. Тут еще полагается добавить слово «великий», но я привык так, по-простому.

Вот этот самый Серогор в одно прекрасное утро и приперся к нам в избушку и, вместо того чтобы под благовидным предлогом выпроводить меня из дому и с моей бабаныкой тряхнуть стариной, вдруг заявил, что хочет обучить меня уму-разуму (можно подумать, до этого я бестолочью рос!). Выяснение отношений старого поколения оставлю за скобками, скажу только, что на этот раз Сима проиграла, и уже через несколько дней я приступил к занятиям в высшем учебном колдунском заведении «Кедровый скит», в том самом, в котором сейчас и я нахожусь.

Про свое многолетнее обучение подробно рассказывать не хочу, скажу лишь, что я был весел и удал, иногда даже чересчур удал. Вот именно из-за этого обстоятельства, слегка недочувшись, я и был вынужден срочно эвакуироваться из скита, дабы весь гнев наших ошалелых колдунчиков не пал на мою многострадальную голову. Я, конечно, был немножечко виноват, но те меры воздействия, которые задумали применить ко мне эти старички, оказались столь неадекватными, что я решил не дожидаться, пока по отношению ко мне совершат роковую

ошибку, и, обратившись соколом, рванул со всех крыльев на волю. Вот тут-то и начались мои настоящие приключения.

И так я, молодой, красивый, наглый обалдуй, в самом что ни на есть расцвете сил, оказался в славном Кипеж-граде. Городская жизнь мне пришлась по вкусу, и я пустился во все тяжкие. И только я начал оттягиваться на полную катушку, как судьбе было угодно столкнуть меня с дочкой местного боярина Антипа – моей ненаглядной Селистеной. Хотя нет, когда я с ней столкнулся, она была вовсе не ненаглядной, а совсем даже наоборот. Поначалу это мелкое рыжее чудовище меня просто бесило. А познакомились мы довольно банально.

Именно она увела у меня из-под носа знаменитый артефакт перемещения – перстень великого Сивила. Только я собирался его честно купить в лавке, как эта рыжая пигалица, чисто из вредности, дала двойную цену и присвоила себе по праву принадлежащую мне вещь.

Надо ли говорить, что я решил вернуть этот перстенок законному хозяину, то есть мне. Но тут, к величайшему моему сожалению, удача коварно отвернулась от меня, и я был схвачен людьми боярина в тот момент, когда пытался восстановить справедливость. Стража, как известно, начисто лишена чувства юмора, и поэтому на следующий день я оказался на эшафоте.

Наверняка скептики тут же заметят, что, мол, для настоящего колдуна это не проблема. Мог бы раскидать боевыми заклинаниями стражу и улизнуть из города. Конечно, мог бы, но вот незадача – руки оказались связаны. А колдун со связанными руками – словно птица с подрезанными крыльями. Одним словом, пришлось мне изрядно попотеть, прежде чем мое несравненное красноречие, помноженное на беззастенчивое вранье, прямо перед казнью заставило ратников развязать мне руки.

И надо же было такому случиться, что в тот момент, когда я уже читал заклинание превращения в скоростную птицу, я был вероломно укушен верным псом Селистены. Этот лохматый монстр по кличке Шарик укусил меня... Ну в общем, неважно, куда укусил, а важно то, что в заклинании что-то заклинило, и вся моя жизнь с этого момента пошла наперекосяк.

Начнем с того, что вместо превращения в птицу сокола я вселился в этого самого лохматого типа черной масти. Причем все мои попытки вернуть свое обличье оказались абсолютно тщетными. Вдобавок теперь я был вынужден проводить всё свое время вместе с рыжей Селистеной. Видите ли, собаки на редкость преданные человеку существа. Вот так всегда – они преданны, а мне расхлебывать.

И расхлебывать на этот раз пришлось много. И что самое удивительное, кашу заварил не я, а всё та же уникальная боярская дочь. Вдруг оказалось, что в городе имеется черный колдун Гордобор со своим слугой, оборотнем Филином. Так вот эти хмыри наслушались предсказаний какой-то старой маразматички и решили, что их погибель придет от рыжей девицы и сокола с голубыми глазами. Ну не придурки, а? Вот не слушали бы эти бредни и, может, были бы до сих пор живы. Тем более что соколом я был недолго, только на момент предсказания, а почти всё остальное время был вынужден провести в собачьей шкуре.

Но стоп, это я что-то вперед забежал. А тут важна точная хронология моих незабвенных подвигов. Я в последнее время сильно изменился и хвастать практически перестал, так что буду краток и точен.

В общем, последовательно и неумолимо я укокошил несколько реликтовых типов нечисти, что подсылал ко мне Гордобор, пресек наглые домогательства княжеского родственничка Демьяна, сразил в честном бою оборотня Филина и, наконец, спас свою конопатую хозяйку от неминуемой смерти. Причем скромно могу заметить, что спасал я ее раз десять. Что, не верите?! Ну ладно, тогда раз пять, но уж никак не меньше. Между прочим, для смерти достаточно и одного раза, так что благодарность от Селистены заслужил честно.

Черного колдуна, правда, замочил не я, а мой наставник, белый колдун Серогор, но это непринципиально. В конце концов, перед решающим боем я противника изрядно измотал и основательно испортил ему настроение.

А в результате всех этих приключений я влюбился в маленькое рыжее чудовище, с очаровательными конопушками и острым носиком. То, что она влюбилась в такого молодца, как я, – это, конечно, неудивительно, но вот что я в нее, стало неожиданным даже для меня самого.

Чего только не бывает в жизни. Ведь если копнуть поглубже, то более непохожих людей в мире сложно представить. Ан нет, молодежь нынче непредсказуемая, и мы втрескались друг в друга по уши. Да-да, нечего смеяться. Любовь, что бы ни говорили зануды и скептики, существует, и мы с моей солнечной невестой тому неоспоримое подтверждение.

Однако в тот самый момент, когда я вдруг неожиданно осознал, что дороже этого рыжего существа у меня на свете ничего не может быть, на пути нашей любви встал ее папаша. Поймите меня правильно: был бы он там, скажем, колдуном или, на худой конец, водяным, так я бы его просто превратил в лягушку и отправил пастись на дальние болота. А тут – не могу. Отец моей ненаглядной как-никак.

Вот и пришлось мне наступать на горло собственной песне и браться за ум. Это мне-то? Колдуну, о котором в «Кедровом скиту» уже легенды начали складывать?! Да я своими милыми шалостями вписал славное имя ДАРОМИР золотыми буквами в историю нашей школы, и на тебе... Приходится браться за ум и учиться, учиться, учиться. Тьфу, у меня от возмущения даже заело что-то. И всё из-за того, что мой потенциальный тестюшка заявил, что хочет видеть свою единственную дочь замужем за человеком серьезным.

Ну не ерунда? Конечно, ерунда! Я разве не серьезный? Еще какой серьезный! Даже сам себе противен стал.

Так что предстояло мне вместо свадебного путешествия возвращение в «Кедровый скит», дабы продолжить прерванное образование. А моя невеста вернулась в Кипеж-град под бдительное око папочки, своей старой няньки Кузьминичны и конечно же верного пса Шарика. Вы не поверите, но, сидя бесконечными зимними вечерами за очередной колдовской книгой, я даже немного завидовал ему. Ведь Шарик мог находиться рядом с моей избранницей практически круглосуточно.

Виделись мы с Селистеной только на каникулах, и то исключительно под присмотром Антипа или Кузьминичны. Эти изверги не оставляли нас наедине ни на миг. Можно подумать, сами молодыми не были; должны же понимать, каково двум любящим сердцам – да под таким вот зверством.

В общем, лучшим выходом из этой ситуации оказалось скорейшее и непременно успешное окончание моей учебы. Ну тут уж я разошелся. Хочет Антип получить в зятя дипломированного колдуна, так он его получит!

Меня понесло... За два года я достиг таких высот в колдовстве, что заниматься со мной мог только сам Серогор. Остальных преподавателей я уже давно за пояс заткнул, впору самому поучить их уму-разуму... И вот заветная цель близка: через месяц-другой у нас состоятся выпускные экзамены, посвящение в колдуны пятой ступени, и торжественное отбытие в Кипеж-град.

Кстати, хочу заметить, что этой самой пятой ступени достиг из всего выпуска только я один, остальные еще как минимум год пыхтеть над книжонками будут. Ну а я колдун особенный, ко мне с общими стандартами подходить нельзя.

Такой козырь, как высшее колдунское образование, Антипу крыть будет нечем, и грядущая капитуляция моего будущего тестя уже не за горами. Ему достанется почти гениальный зять, а мне его замечательная остроносенькая дочка. А что, по-моему, размен справедливый.

А если Антип только посмеет заикнуться о переносе свадьбы, то тогда сможет воочию убедиться в моих способностях. Но до этого, конечно, дело не дойдет, ведь все эти годы ему

медленно, но верно капала на мозги моя конопатая прелесть. Уж что-что, а это у нее получается как нельзя лучше.

Итак, самое сложное уже позади, и меня скоро ждет свадьба. Да-да, настало время, и из всех женщин на земле я выбрал одну-единственную. Маленькую, шустрюю, вредную, рыжую, но очень любимую и дорогую.

Безвозвратно закончилась пора юности, бесшабашной удали и захватывающих приключений. Впереди спокойная семейная жизнь, детки по лавкам... Что в ней может быть героического? Правильно, ровным счетом ничего. Но поверьте, моя рыжая избранница того стоит. Знаете, какие у нее милые конопушки, а маленький остренький носик? Про фигуру я вообще промолчу!

От мыслей о моей Селистене лицо само собой расплылось в улыбке. Что ж, не так всё и плохо, уж кто-кто, а я найду, как разнообразить семейный досуг. Да и моя рыжая, думаю, окажет мне в этом весьма существенную помощь, она вообще обладает удивительным свойством притягивать к себе неприятности...

Тут я решил немного отвлечься от книги, поднялся и, сладко потягиваясь, прошелся по комнате. Еще часок позанимаюсь, и спать. Вполне логично может возникнуть вопрос: что это ему по ночам не спится? Ответ на него очень прост: я прежде всего страдаю от собственного упрямства. Вбил себе в голову, что должен стать лучшим учеником за всю историю «Кедрового скита», и уже никуда не деться, обязательно стану. Конечно, проще было бы спокойненько доучиться, но такое положение вещей не по мне. Уж если не могу быть первым разгильдяем, то стану первым учеником.

Чтобы размять изрядно затекшие ноги и спину, я прошелся по комнате, остановился у раскрытого окна и с удовольствием полной грудью втянул прохладный ночной воздух. Опа, а я-то думал, что один по ночам дурью маюсь, ан нет, нас как минимум двое.

Так уж получилось, что окно моей кельи выходит прямо на окно Серогора, в апартаментах которого горел свет. Надо же, чей-то не спится моему наставнику? Небось опять обдумывает очередные утопические планы спасения человечества от самого себя. Странное дело, вроде великий колдун и прочее, прочее, а в некоторых вещах как дите малое.

Тут свеча в светелке Серогора погасла, а через мгновение вся его комната наполнилась мерцающим синим светом. Этот свет мне был знаком очень хорошо, именно такое свечение вызывает перстень великого Сивила при активации. Свинтил мой наставник на ночь глядя, причем я даже знаю куда. К моей бабаньке, конечно! Вот старый кобель, уже вся борода седая, а всё туда же!

Под конец моих прошлых приключений этот самый перстенок у меня отобрала Серафима под предлогом того, чтобы я к Селистене не шастал по ночам и тем самым не отвлекался от учебы. А чуть позже перстень я увидел у Серогора. Во мое старичье дает! Им, значит, можно, а мне – нет, эгоисты великовозрастные. Давно заметил, чуть свободная минута выдалась, и хлоп – синие огоньки. Я, между прочим, моложе, а стало быть, мне такой перстень нужнее. Ну ничего, стану дипломированным колдуном, потребую вернуть вещичку.

От досады весь учебный настрой слетел с меня, словно тополиный пух при порыве ветра. Вид раскрытой колдовской книги ничего, кроме отвращения, уже не вызывал. Нет, на сегодня, пожалуй, хватит, завтра доучу. Тут мой взгляд как-то сам собой и абсолютно случайно упал на стоявший на столе кувшин с водой. Шаловливая мысль мелькнула в моей голове. А почему бы и нет? Думаю, что в качестве компенсации я заслужил некоторую награду.

Я пробормотал небольшое заклинание. Вода вспенилась, и по комнате разнесся чудесный медовый запах. Вуаля, скромный подарок моей истосковавшейся душе и изможденному телу готов. Правда, это заклинание категорически запрещено в стенах «Кедрового скита», но, с другой стороны, не до такой же степени я исправился, чтобы соблюдать все дурацкие условности. Да и поймать меня за руку мог только Серогор, а он сейчас уже далеко.

Муки совести меня по традиции не мучили, и я с огромным наслаждением прямо из кувшина сделал несколько крупных глотков. Блаженное тепло стало разливаться по моему телу. Что бы ни говорили всякие зануды, а медовуха – это вещь! Всего полкувшина – и ты как огурчик, ни тебе дурацких переживаний, ни приступов хандры и самобичевания. Я сделал еще пару глотков и с блаженством развалился на кровати.

И чего это я сам сегодня так на себя напустился? Рановато списал себя со счетов – я, между прочим, еще о-го-го! Вот только сдам экзамены, получу посох, и тогда посмотрим, кто чего стоит.

Кстати о посохе. Метнувшись к небольшому чуланчику, я достал из простенького тайничка непременный атрибут путевого колдуна. О нем я хотел бы рассказать особо.

Вообще-то право изготовить символ и инструмент колдовской силы молодой колдун получает только после успешной сдачи экзаменов. Процесс его изготовления может затянуться на полгода. Пока найдут подходящую деревяшку, пока выстругают, пока украсят, пока наполнят колдовской силой, пока... Да там может быть тьма этих самых «пока».

Но ведь правила сочиняются, чтобы такие, как я, могли их легко и непринужденно обходить. Может, у кого-то и море времени, но лично для меня даже малейшая отсрочка нашего воссоединения с Селистеной просто недопустима. Вот я и решил, так сказать, в виде самого исключительного исключения изготовить его заранее. Это, конечно, делать было нельзя, но думаю, что колдунский преподавательский состав не сможет отказать лучшему выпускнику скита всех времен в этакой малости.

Посох я себе сделал конечно же из благородного кедра, в полном соответствии со своей сущностью и жизненным опытом. Для начала я категорически отказался от классических размеров сего колдовского предмета. Сами посудите: молодой, красивый, ловкий... и с огромным посохом в руках. Смех, да и только. Гораздо больше мне подошла бы элегантная трость, навряд ли той, что я видел в руках какого-то заморского вельможи в Кипеж-граде. Эффектно и красиво.

В результате долгих раздумий и не менее долгого воплощения идеи в жизнь в руках у меня оказался колдовской посох, так сказать, нового поколения. Набалдашник из серебра в виде оскаленной собачьей пасти для меня заказала в городе Селистена, а пряди густой шерсти, словно струящейся вдоль посоха, я уже вырезал сам. Без ложной скромности скажу, что получилось просто великолепно. А если добавить к этому острый серебряный наконечник, то становится понятным, что я открыл новую страницу в колдовской моде. Это тебе не дубовая оглобля в руках какого-нибудь старикана. Да лет через сто с такими вот тростями будет ходить вся колдунская братия!

Кстати, я уже перешел к окончательному этапу и каждый вечер старательно наполнял посох колдовской силой. Думаю, что как раз к экзаменам он будет в порядке. Конечно, и без него я стою многого, но пренебрегать традициями не собираюсь.

Неожиданно в моей голове зазвенел колокольчик. Есть у меня одно свойство: как только мне грозит опасность, в моей голове ни с того ни с сего начинается пронзительный перезвон. Я, честно говоря, давно уже оставил попытки объяснить самому себе такое свойство моей головы и воспринимаю его как должное. Главное, что оно меня никогда не подводило.

Вот и сейчас звоночек верещал очень настойчиво, но как-то странно, будто откуда-то издалека. Я вскочил с кровати словно ошпаренный и приготовился к бою. Кто бы это ни был, он встретит достойный отпор. Уж что-что, а пользоваться боевой магией я научился виртуозно.

В напряженном ожидании я простоял несколько минут. Хм, странновато и даже как-то неучтиво. Я, практически дипломированный колдун, жду врага ровно какой-нибудь малолетка, а он всё не идет. Ну что за некультурная нечисть пошла, никаких понятий о вежливости.

Стоп, что-то тут не так. Ведь «Кедровый скит» абсолютно защищен от любого проникновения темных сил. Эту нехитрую мысль вбивают ученикам с первого года обучения. Так

чего же моя голова раскалывается от непрерывного звона? То ли наши колдунчики что-то с защитой перемудрили, то ли одно из двух.

Между тем колокольчик надрывался что есть сил. Только звонил он не так, как всегда, а несколько приглушенно. Что же происходит? Мы будем биться или как?

Яростный звон прекратился так же неожиданно и резко, как и начался. У меня аж голова заболела от внезапно обрушившейся на меня тишины. Ничего не понимаю, но одно могу сказать точно: сигнал опасности меня еще ни разу в жизни не подводил.

Постепенно напряжение отступило, и в состоянии полнейшего разочарования я опустился на стул. Уж лучше бы драка, чем вот такие непонятки. После боя хотя бы есть чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы, а тут... словно принесли жареного поросенка, показали, дали втянуть носом его аромат и тут же унесли.

Как бывало неоднократно, я пришел в полную гармонию с самим собой посредством обильной дозы медовухи. Под действием благородного напитка мысли потихонечку улеглись, и я наконец смог спокойно рассуждать. Перезвон в моей многострадальной голове был нешуточным и вполне определенным. Но скит надежно защищает своих учеников от посягательств извне, пока те еще не вошли в свою максимальную силу. Значит, опасность мне угрожала... но не угрожала. Тьфу, ерунда какая-то! Надо простимулировать мыслительный процесс, а то ничего путного в голову не приходит.

Сказано – сделано, и, посредством заклинания, уже пустой кувшин вновь наполнился медовухой. Ничего, где один, там и второй. Как и следовало ожидать, после его решительного опустошения в голову незамедлительно пришла единственно верная в данной ситуации мысль: «Спать надо ложиться скорее, а не забивать голову всякой ерундой! Вот проснусь завтра, тогда и покумекаю». Весьма своевременная мысль! Я с удовольствием ей последовал, растянулся на своей кровати и почти сразу провалился в мир снов.

Проснулся я, по обыкновению, поздно. Утренний сон – это святое. Заслужил, знаете ли, потом, кровью и отменными успехами особый график. Тем более что Серогор сегодня вряд ли будет настроен на ранние занятия.

Все ученики уже разбрелись по аудиториям, гул во дворе стих, и я сладко потянулся, прикидывая в уме, встать прямо сейчас или понежиться еще минут десять. Естественно, я выбрал второе, однако Даромир полагает, а Серогор располагает. Массивная дверь резко отворилась, и на пороге появился белый колдун собственной персоной. Я, конечно, хотел было возмутиться, что, мол, культурные люди заклинаниями засовы не открывают, а уж если открывают, то хотя бы стучат в дверь, но Серогор, конечно, оказался проворнее.

– Быстро вставай!

– Что-то я не слышал пожарного колокола, – сказал я, спокойно вставая с кровати.

– Через пять минут жду тебя у себя.

– За пять минут не успею, – резонно заметил я.

– Успеешь, – отрезал Серогор и уже из коридора добавил: – Посох не забудь.

Я даже немножко растерялся от такого поворота событий. Мало того что за всё время моего обучения мой наставник ни разу сюда не являлся, так он еще и про посох пронюхал. Ну прямо как в деревне живем, ничего утаить нельзя, никакой личной жизни. Интересно, что смогло так взволновать Серогора? Впрочем, что гадать – через десять минут узнаю (само собой, в намеченный пятиминутный норматив я укладываться не собирался, для утреннего моциона он был унижительно мал).

И через десять минут я уже был во всей своей красе. Напоследок бросил взгляд в небольшое зеркало, висящее на стене, подарок моей Селистены. За эти годы я изменился не только внутренне, но и внешне. Из зеркала на меня смотрел уже не тот шалопай, что носился по лесам три года назад, а некто до неприличия солидный. Я возмужал, стал выше ростом, раздался в плечах и как-то подозрительно округлился. Волосы изрядно отросли, и серебряный обруч на

голове теперь был не просто украшением, но имел вполне функциональное назначение. Но предметом моей гордости стала наконец-то отросшая борода. Не три волосинки, торчащие в разные стороны, а целое богатство. До Серогора, конечно, далеко, но то ли еще будет, у меня вся жизнь впереди. Что же это за колдун, да без бороды? Недоразумение, да и только.

Вышел я из своей светелки и всё в том же неторопливом стиле направился к белому колдуну. Не пристало мне, словно мальчишке, по коридорам бегать. Ввиду моего вполне закономерного опоздания, Серогор был не в себе. Что поделаешь – с возрастом, наверное, уже сложно контролировать свои эмоции. Хорошо еще, что самих эмоций становится с каждым годом всё меньше и меньше.

– Еще дольше копаться не мог?

– Конечно, мог, но это было бы проявлением неуважения к вашей светлости, – не моргнув глазом парировал я.

– Оставь свое красноречие при себе. Дело слишком серьезное, чтобы отвлекаться на мелочи.

Интересно всё-таки, что на него нашло? Неужели с моей Симочкой повздорили? Хотя нет, синяков не видно, а выяснять отношения со своим миленком без применения тяжелой артиллерии она не будет, не тот темперамент. Пожалуй, и впрямь придется немного помолчать и спокойно выслушать, что мне скажет Серогор.

– Скажи, у тебя ночью всё было в порядке? – Вот это вопросик! Он сам по девчонкам (ну то есть по бабкам) шастает, а надо мной что, издевается?

А может, старый лис пронюхал, что я медовухи наколдовал? Хм, но это же не повод, чтобы на ковер тащить, тем более за руку меня никто не ловил. Та-а-ак, ухожу в глухую несознанку.

– Этой ночью, как и все предыдущие, я аки пчела грыз гранит науки и чуть было не сломал себе зубы, когда попалась особенно твердая глыба.

– Оно и видно, глаза красные, как у мороженого палтуса, – хмыкнул Серогор.

– Так от учебы всё, от нее, родимой, – не остался я в долгу. – А если кто-то на меня наябедничал, то говорю сразу: это не я. И вообще, я уже давно взялся за ум и ни в чем предосудительном в последнее время решительно не был замечен.

Серогор поморщился и еле слышно помянул Серафиму, причем на сей раз не самым нежным словом. Дело в том, что именно бабанька развила во мне дар красноречия, и от этого дара больше всего достается белому колдуну.

– Ничего необычного не почувствовал?

– Что может быть необычного в банальной летней ночи? – в своем духе начал распространяться я и осекся: – А что случилось?

– Дурацкая привычка – отвечать вопросом на вопрос! – сурово заметил мой наставник.

– Чувство опасности дало о себе знать, – честно признался я, трезво рассудив, что дело может оказаться серьезнее, чем показалось с первого взгляда.

Серогор, не отрываясь, молча смотрел мне в глаза.

– Почти сразу после того, как вы к Симе... – начал было я, но тут же поправился: – Как вы по своим делам отправились. Так что случилось-то?

Белый колдун еще больше нахмурился и принялся оглаживать свою бороду. Так он делает всегда, когда требуется принять сложное решение. Под пристальным взглядом моих голубых, лучистых глаз он наконец это решение принял.

– Буду краток: сегодня ночью на твою Селистену напала стая пробышей. Не волнуйся, она жива и здорова. Шарик вовремя почуял опасность, да и стража на этот раз не подкачала.

Ну ничего себе краток! Да такой длинной фразы я сроду от него не слышал... Стоп! Как это напали на мою рыжую?! Кто посмел? Да если с ее головы упадет хоть один солнечный волосок, от них же одно мокрое место останется!

Тут мою голову озарила совершенно простая и очевидная мысль. Селистенка! Мое ненаглядное рыжее создание, связанное со мной какой-то невидимой, но необычайно прочной нитью. Так, значит, это ей ночью угрожала смертельная опасность! Вот почему мой колокольчик звенел глухо, ведь мое конопатое чудо было далеко отсюда.

– Кто? Когда? Она жива? А где стража была? – тут же посыпались из меня вопросы.

– Если бы ты был внимательным, то знал бы уже ответы на все свои вопросы, – резонно заметил Серогор.

– Да-да, точно! – Я даже хлопнул себя по лбу. – Мне срочно надо в Кипеж-град.

– Надо, но не срочно.

– Что значит – не срочно! – взревел я. – Да я весь город разнесу по бревнышку! Да я носом землю буду рыть, но найду, кто этих тварей к моей невесте посмел подослать! Ишь чего задумали: только моя рыжая мелочь осталась без должной защиты в моем лице, как они принялись пакости творить?! Не позволю!

– Успокойся.

– Да не могу я успокоиться! И вообще, вот если бы с Серафимой что-то стряслось, вы бы не понеслись на помощь?

Серогор невозмутимо наблюдал, как я выражаю свой праведный гнев и со скоростью раненого енота ношусь по комнате. Наконец, дождавшись, когда я завершу очередной круг, медленно заговорил:

– Знаешь, как-то раз, примерно в такой же ситуации, я понесся сломя голову на помощь и угодил в искусно расставленную ловушку. Выкрутился только благодаря счастливой случайности. С тех пор я стал более рассудительным и осторожным.

Уж если Серогор – а он величайший колдун – попался, то история и впрямь была из разряда исключительных.

– Как бы я на тебя ни ворчал, ты всё равно остаешься моим самым лучшим учеником, и кому, как не мне, убережь тебя от необдуманных поступков.

Я с интересом посмотрел на моего наставника. Неужели и он когда-то был способен на безумство? Верится, конечно, с трудом, хотя почему бы и нет? Думаю, что Сима могла быть прекрасной причиной для мужского безрассудства.

Ладно, уговорил, окаянный. Отныне и пока хватит сил, я – само спокойствие.

Белый колдун оценил мой маленький подвиг и резко переменял тему:

– Дай сюда посох.

Я спокоен, я совершенно спокоен. Проговаривая про себя эти слова, я протянул посох Серогору.

– Справный, – одобрил мою работу наставник, – необычный, конечно, но сделан по всем правилам. Если бы не твой неугомонный характер, ты действительно мог бы стать великим колдуном.

– Я стану великим колдуном и с таким характером, – нагло заявил я.

– Может, и станешь, – согласился Серогор и осторожно погладил мою тросточку. – Даже странно, что тебе удалось самому, без помощи, сделать его.

– Ничего странного, просто книжки почитывал, – пожал я плечами, – может, вы не заметили, но за последние годы я сильно изменился.

– Ты, наверное, удивишься, но изменился ты не сильно, – всё тем же отвратительно спокойным тоном заявил Серогор.

Мне стало даже обидно. Я забросил милые сердцу шалости, не менее милые загулы, учусь, не поднимая головы, а он туда же – не изменился! Ничего, мне бы только из скита выбраться, а там я всем покажу, чего я теперь стою.

Пока я внутренне негодовал от неадекватного восприятия моей личности в свете уникальных достижений за последние годы, Серогор действовал, он крепко сжал ладонями посох и закрыл глаза. Через несколько секунд тот заискрился ярко-зелеными огнями.

Я не поверил своим глазам: мой наставник решил сам зарядить посох колдовской силой? Что и говорить, на такой царский подарок я и не рассчитывал. Да с такой тросточкой я бы завалил покойного Гордобра одной левой! И уж теперь точно могу извести всю нечисть в округе.

– Держи, – буркнул Серогор и протянул мне всё еще продолжающий светиться посох. – Считаю, что это тебе аванс за будущие экзамены.

– Кому, как не вам, знать, что все экзамены я сдам на «отлично», – вырвалось у меня. – А вообще-то спасибо.

Я принял посох, а белый колдун лишь хмыкнул в бороду.

– Ну так я пошел?

– Куда? – поднял брови Серогор.

– В Кипеж-град.

– Нет. Мы прямо сейчас вместе отправляемся к...

– К Селистене, – перебил я наставника, – за это, конечно, спасибо, но думаю, что вполне смогу справиться с возникшими проблемами сам.

Вот тут Серогор не выдержал и показал всю свою сущность, ловко скрываемую под маской степенности. В результате чего я получил увесистую затрещину.

– Ты дашь мне сказать или нет?! – взревел белый колдун.

– А я не виноват, что вы так медленно говорите! – потирая ушибленный затылок, ответил я.

– Это не я медленно говорю, а ты быстро болтаешь.

– Я быстро живу, вот и быстро болтаю.

Колдуну осталось только закатить глаза и прошипеть пару не очень лестных эпитетов в мой адрес. Пожалуй, дальше продолжать в том же духе не стоит – Серогор действительно страшен в гневе.

– Всё понял, замолкаю.

– Сейчас мы вместе отправляемся к Серафиме... – Я было опять открыл рот, чтобы высказаться на этот счет, но Серогор пресек эту попытку на корню:

– А откуда ты отправишься в Кипеж-град!

– Ну так бы сразу и говорили, – недовольно пробурчал я.

Похоже, белый колдун решил, что продолжать дискуссию со мной бесполезно. Оно и верно, так будет лучше для обоих.

Перемещение произошло конечно же с помощью перстня великого Сивила. Я дотронулся до Серогора, а он, не снимая перстня с пальца, провернул его вокруг своей оси. Нас моментально окутал сияющий туман, и через одно мгновение мы оказались в избушке моей кормилицы. Краем глаза я успел заметить, как ко мне метнулась поразительно знакомая мелкая фигура.

– Дарюша!

С этим чудным воплем на моей шее повисла моя конопатая судьба. Нет, в этот момент нас не смог бы растащить ни занудный Антип, ни чересчур заботливая нянька Кузьминична, ни лохматая псина, ворчание которой тут же раздалось из дальнего угла. Я заключил ее в свои объятия, и наши губы мгновенно соединились.

Немного утолив голод общения и абсолютно не обращая внимания на присутствующих, я смог наконец-то рассмотреть мою рыжую прелесть. Ведь я не видел ее полгода!

Какая же она красивая, чудо как хороша! Но что-то в облике Селистены показалось странным. В порыве встречи мне было, конечно, ни до чего, но сейчас смутное чувство беспокойства зародилось в моей душе. Я внимательно посмотрел на свою избранницу.

На первый взгляд всё вроде на месте. Фигура, талия, все прилегающие к ней части тела, носик, ротик, оборотик... Стоп! А где конопушки?!

– Ты в своем уме?! – взревело мое самолюбие, и я вместе с ним.

– Ч-что? – удивленно захлопала ресницами коварная девица.

– Что ты с собой сделала? Где веснушки?!

– Вывела, – еле слышно призналась Селистена. Ко всему прочему я вдруг заметил, что и цвет волос моей избранницы уже не ярко-рыжий, а скорее каштановый. Всё, такого предательства я уже выдержать не мог.

– Как же ты могла так со мной поступить?

– Я... – пролепетала Селистена, – я... думала, тебе понравится.

– Понравится?! – опять завопил я. – Разве я тебе не говорил, что просто без ума от твоих волос и милых конопушек?!

Боярышня совсем по-детски шмыгнула остреньким носиком и чуть не плача попыталась оправдаться:

– Я думала, ты специально так говоришь, чтобы мне приятно было.

Не, ну вы где-нибудь видели такое чудо в перьях? Наверняка нет, потому что единственный экземпляр достался, естественно, мне.

– Да я всегда был в восторге и от твоего цвета волос, и от очаровательного конопатого носика!

– Они никому не нравятся! – тоже перешла на повышенные тона Селистена. – Ты меня просто успокаиваешь!

– Я что-то не понял, тебе интересно мнение всех или всё же мое?

– Конечно, твое, – вынуждена была признать боярышня.

– А раз мое...

Но тут я был бесцеремонно прерван Серафимой.

– Чего орешь на девочку? Она же тебе сюрприз сделать хотела.

– И это ей удалось, – обреченно констатировал я.

Тут мое уже не совсем рыжее чудовище подозрительно хлюпнуло носом, и огромные девичьи глаза налились слезами. В одно мгновение весь мой пыл улетучился в неизвестном направлении. От злости не осталось и следа. В конце концов, она же действительно для меня расстаралась.

– Как ты был балбесом, так им и остался, даже посох не помог, – припечатала меня Сима. Потом немного подумала и отпустила укол уже в сторону Селистены: – А ты могла бы мне поверить и не издеваться над собой. Говорила же тебе, что этот эгоист любит всё натуральное.

Каштановая еще разок скорбно шмыгнула носиком, и мое сердце окончательно растаяло. Я обнял мою напичканную комплексами невесту и нежно погладил ее по непослушным кудряшкам.

– Всё вернуть, как было, сможешь?

Вместо ответа Селистена умоляюще взглянула на мою кормилицу.

– Сможет, сможет, – охотно подтвердила та. – Не сразу, конечно, но скоро к нам вернется прежняя рыжеволосая красавица.

– Ну и славно. – Счастливый, я вновь отыскал губы моей любимой.

– Р-р-р! – напомнил о себе Шарик.

– Да ладно, ладно, – недовольно буркнул я и скрепя сердце выпустил из объятий солнечную. – Тоже мне лохматый борец за нравственность.

– Может, мы всё-таки вернемся к ночному нападению, – скромно предложил Серогор, который не участвовал в наших разборках и всё это время спокойно сидел за столом.

– Нападению? Ах да, нападению! – спохватился я. – Надеюсь, этот лохматый не посрамил мои седины?

– Р-р-ре? – несколько удивленно отреагировал Шарик.

– Да ладно, не рычи, я в тебе и не сомневался, – вполне искренне заметил я и с удовольствием потрепал вальяжно развалившуюся псину. Эх, а ведь в этой шкуре я провел несколько забываемых недель.

– Интересно, а во мне ты что, сомневался? – услышал я ехидный вопрос. – Если так, то еще не поздно отменить свадьбу.

Всё, конфликт исчерпан, и к нам вернулась моя острая на язычок рыжая бестия. Вот это другое дело, такая она мне нравится гораздо больше, да и женские слезы я выдержать просто не в силах.

– Поздно, уже поздно, – признал я, и мы наконец-то приступили к обсуждению ночного происшествия.

Вся наша компания расположилась за столом, естественно за исключением лохматой ее составляющей. Тут дело было, конечно, не в ущемлении прав хвостатых друзей, а в том, что Шарик у гораздо комфортнее на полу, чем на скамье. Селистена начала свой рассказ, и вскоре мы уже были в курсе всего, что произошло прошлой ночью.

На мою невесту было совершено коварное нападение стаи пробышей. Если кто не знает, то это порождение тьмы – пробыши отдаленно напоминают огромных пауков, только вот челюсти у них раз так в десять побольше, да и находятся прямо на животе. Представьте себе такой вот рот на лохматых лапках, причем величиной с отъевшуюся крысу. Представили? Теперь добавьте крайнюю прожорливость и жгучее желание попробовать на вкус любое живое существо на своем пути, и вы уже твердо сможете сказать, что заочно знакомы с этими тварями.

Атаковали они конечно же ночью. Шарик оказался на высоте и встретил врага еще на подступах. Далее вполне успешно были использованы основные силы в лице стражи, вооруженной серебряными кинжалами (их Антип заказал еще после памятной истории с горными спиногрызами), – и враг был разбит. Замечу, что одну из нападавших тварей завалила сама Селистена (Шарик подтвердил этот факт), посредством своего уникального гребня, больше смахивающего на строенный клинок, чем на банальную расческу. Молодец девчонка, чувствуется моя школа.

После того как с пробышами было покончено, Селистена удалилась в свою комнату и дала знать Серафиме о том, что ей нужна помощь. Тут мы с Серогором удивленно взглянули на хмыкнувшую Симу.

– Ну да, дала я девочке одну вещицу из старых запасов, так сказать, на крайний случай. Вы-то сами за себя постоять сможете, а девочку надо было подстраховать, – укорила нас кормилица, а Селистена торопливо положила на стол бусы из необычного розового камня.

Непослушные бусины будто воспользовались случаем и весело рассыпались по столешнице.

– Их мне еще моя тетка подарила в незапамятные времена. Мне-то они без надобности, а нашему солнышку в самый раз прились, – пояснила Сима.

– Жаль только, что нельзя будет использовать еще раз.

– Жаль, – согласилась моя бабанька и, на мой взгляд, не совсем в тему лукаво подмигнула мелкой. – Удивительное дело, как только она надорвала нитку, я уже была в курсе всех событий. Ну а дальше позаимствовала у Серогора заветный перстень и с его помощью выдернула Селистену в свою избушку.

– Р-р-р, – недовольно раздалось из угла.

– Ну и тебя, конечно! – рассмеялась Сима. – Куда от тебя деться?

– Так что я теперь с вами, а батюшка с Кузьминичной считают, что я сплю после бурной ночи, – закончила свой рассказ моя невеста.

Во бабанька у меня дает! Золото, а не человек, всё понимает, обо всём позаботится. Ведьма, одним словом. Ее колдовство простое, можно сказать бытовое, но от этого не менее полезное. И потом, меня, конечно, не могло не радовать, что у моей кормилицы сложились такие теплые отношения с Селистеной. Эх, вот бы и у меня с Антипом такие!

Тут я себя одернул. Сколько бы я ни мечтал, но вряд ли вообще у меня с премьер-боярином взаимоотношения наладятся. Как ни крути, но того, что я расстроил свадьбу его дочери с наследником престола, он мне не простит никогда.

От мыслей о предстоящей встрече с суровым тестюшкой меня оторвал Серогор. На этот раз он обратился конкретно ко мне:

– Тебе ничего не показалось странным в этой истории?

– Конечно, показалось, – с готовностью отозвался я. – Странно, что вместо того чтобы быть рядом со своей избранницей и самому уничтожать мерзких пробышей, мне приходится просиживать штаны в «Кедровом скиту».

– Это всё? – чуть приподняв брови, поинтересовался Серогор.

Я уже хотел что-то съязвить, как вдруг мне бросились в глаза (или в уши, не знаю, как точно сказать) некоторые странности ночного нападения.

Ну для начала, пробыши очень не любят городов, встречаются там крайне редко. Их стихия густой лес, и при атаке всей стаей (а в стае, как правило, штук десять-двенадцать) они могут стать серьезной угрозой для зазевавшегося путника.

Далее, на мой взгляд, эти твари действовали чересчур прямолинейно, атаковали в лоб терем, напичканный охраной, словно поросенок гречневой кашей. Такие поступки были не в стиле тихих и коварных пробышей. Но, с другой стороны, если бы до спящей Селистены добрался хотя бы один из них, то я стал бы вдовцом, еще не женившись.

Всё это быстро пронеслось в моей голове, и я растерянно взглянул на наставника.

– Вот именно, – ответил на мой немой вопрос белый колдун. – А ты говоришь, штаны просиживаешь.

Опять старикан мои мысли читает, ну да ладно, чай, не чужой. Дамы с тревогой переводили взгляды с меня на Серогора, но нашей немногословной беседе не мешали. Как-никак пошли мужские игры.

– Что собираешься делать?

На этот вопрос я ответил с ходу. Конечно, рассказ моей солнечной невесты показался чересчур эмоциональным, но это не помешало мне уяснить для себя главное: НАШИХ БЬЮТ! А с этим я смириться никак не мог и с трудом сдерживал себя, чтобы не рвануть в город сейчас же и не разобраться с таинственными темными силами по законам военного времени.

– Метнусь с Селистеной и Шариком в город, – при упоминании своего имени лохматый приветливо махнул хвостом – внедрюсь в банду, выявлю зачинщиков, выволоку на свет божий и лично приведу справедливый смертный приговор в исполнение. – Я довольным взором окинул слушателей и, исключительно чтобы сделать приятное окружающим, добавил: – Разумеется, если мне будет позволено на время отлучиться из «Кедрового скита». Обещаю, что, после того как таинственный враг рыжих девиц отправится к праотцам, вернусь в скит и досдам хвосты.

– Можно подумать, если тебе не будет позволено, ты останешься в скиту, – буркнул Серогор.

– Конечно, не останусь, – честно признался я, – но ради приличия я должен был спросить.

– Хорошо, – согласился верховный колдун высшего учебного колдунского заведения, – будем считать это предвыпускной практикой.

– Посох... – напомнил я Серогору, тот кивнул, и вопрос был исчерпан.

Всё-таки молодец Серогор! Она как изменился в последнее время. Раньше ни за что бы не пошел на столь злостное нарушение устава учебного заведения. Глядишь, скоро вообще нормальным человеком станет.

– Теперь главное – выяснить, кто подослал к тебе этих тварей, – обратился я уже к своей невесте.

Моя рыжая половина невинно взмахнула ресничками и как ни в чем не бывало заметила:

– И выяснять нечего – это работа Сантаны.

– Чья? – переспросили мы хором.

– Сантаны, – в своей непередаваемой манере пояснила боярышня.

Вот за что люблю свою прелесть, так это за умение всё четко и ясно объяснить. Пришлось немного поднажать, и после коллективного допроса картина вырисовалась следующая.

Оказывается, около полугода назад в Кипеж-град прибыло какое-то шибко заграничное посольство, а вместе с ним некая благородная дама. После чего, со слов моей остроносой и временно неконопатой невесты, в городе стали происходить весьма странные события.

Спустя несколько дней весь город пал к ногам приезжей дамы (естественно, мужская его часть). Практически все мужчины буквально сошли с ума от небесной красоты этой незнакомки. Да что там простые горожане, сам князь Бодун, не прошло и недели, предложил Сантане (именно так звали чужестранку) руку, сердце и половину своего трона в качестве свадебного подарка. Как ни парадоксально, она с удовольствием приняла предложение князя.

– Ну не могу я вас, мужиков, понять! – бурно возмущалась Селистена. – И что в ней такого нашли? Ну да, фигура у нее вроде ничего (значит, просто супер), ноги тоже не короткие (следовательно, растут от ушей), волосы темненькие (стало быть, жгучая брюнетка). Ну и что, мало ли таких у нас на Руси? А все будто голову потеряли. Да что князь, даже мой батюшка в присутствии новоиспеченной княгини становится сам не свой.

Во старичье дает! Интересно будет взглянуть на влюбленного Антипа.

– А я сразу сказала: нечистое тут дело, – с чувством продолжала свой рассказ Селистена. – Ну не может такого быть, чтобы все разом с ума походили из-за юбки.

Да может, может, подумалось мне. Мужчины вообще падки на красоту, особенно если это красота женского тела. Вот я другое дело – для меня, кроме моей остроносенькой, женщин не существует, одна она и есть. Раньше я, конечно, был не такой щепетильный, но теперь – ни-ни. У меня ныне не сердце – камень! Ни одна не проскочит. Я теперь не малец неразумный, а серьезный колдун, который вот-вот обзаведется семьей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Между тем Селистена продолжала сыпать сомнительными, с моей точки зрения, доводами в пользу своей теории женского заговора. Тут мне стало скучно, всё было ясно как белый день. При описании этой Сантаны боярышня так нервничала и горячилась, что вывод напрашивался сам собой – в ней говорила банальная женская ревность.

Ладно, доберусь до города, а там разберусь, так ли уж дамочка хороша, как следовало из разговора.

Хотя лично для меня ее внешность не имеет абсолютно никакого значения. Если ночное нападение на мое солнышко дело ее рук, то никакая красота не спасет от моего праведного гнева. Тоже мне нашли моду к рыжим девицам всякую пакость в спальню подсылать – то спиногрызов, то пробышей!

Наконец-то моя невестушка выдохлась, завершив свое эпическое повествование весьма эффектной фразой:

– Кошка она облезлая, а не княгиня. Это она ко мне ночью тварей подослала за то, что я ей на приеме язык показала.

Теперь вы понимаете, за что я ее люблю? Правильно, за удивительную непосредственность и доброту.

– А зачем ты ей язык показала? – скромно поинтересовался я.

Вместо ответа она сверкнула испепеляющим взглядом и отвернулась, словно штандарт вздернув свой очаровательный носик. Глядя на бушующее негодование моей ненаглядной, я невольно улыбнулся. Однако мои старички оказались настроены серьезно.

– Скажи, а какого цвета у нее глаза? – весьма обеспокоенным тоном спросила Серафима.

– Зеленые, а что? – встрепенулась Селистенка.

– Зеленые... – протянула моя кормилица и вопросительно взглянула на Серогора.

Белый колдун нахмурился, огладил свою густую бороду и после многозначительной паузы сказал неуверенно:

– Думаешь, опять она?

– Возможно, – с явной неохотой предположила ведьма.

– Кто она? – тут же влез я.

Сима презрительно фыркнула, демонстративно встала из-за стола и подошла к окну. Дальше расспросы были абсолютно бессмысленны. Уж я-то свою уникальную ведьму хорошо знаю: тема была закрыта окончательно и бесповоротно.

В комнате повисла гнетущая тишина. К счастью, ненадолго – нарушил ее Серогор, обратившись к Селистене:

– Пора возвращаться назад, как бы твой батюшка не спохватился.

Скажите, какие мы нежные! Ну спохватится, ну понервничает немножко, ему это даже полезно будет.

– Ничего не бойся, живи как жилось, – продолжил Серогор. – Сейчас с помощью перстня великого Сивиля я тебя верну в твою горницу.

– А я как же? – От возмущения я даже подпрыгнул.

– Ну конечно же ты с нами, – ухмыльнулся мой наставник. – Куда же от тебя денешься?

– С Даромиром всегда лучше, – гордо заявил я, а немного поразмыслив, добавил: – Во всяком случае, гораздо веселей.

Ответом мне послужило фыркание кормилицы, вздох наставника и очаровательная улыбка невесты. Первую и вторую реакцию можно отбросить за ненужностью, а вот улыбка мне пришлась по душе.

– Напутствовать тебя не буду, всё равно всё сделаешь по-своему, – тянул свое занудство Серогор. – Помни только: теперь в твоих руках значительная сила, а она...

Вот странный человек, не может без нотаций. И это у него называется обойтись без напутствий. Сейчас начнет говорить про ответственность перед людьми, про последствия необдуманных поступков, про недопустимость использования колдовских знаний в личных целях и прочее и прочее... А я, между прочим, практически никогда и не использовал свои знания (опыты с медовухой не в счет. Это, так сказать, исключительно из-за медицинских свойств этого божественного напитка).

– И помни: посох дан тебе только в виде исключения, до окончания...

Никто мне его не давал, я его сам сделал. Нет, всё-таки рановато я заключил, что он начал исправляться, случай оказался весьма запущенным.

Спасла меня от бесполезной траты времени конечно же Серафима. Только она может выложить величайшему колдуну правду в глаза, без опасений за свою жизнь.

– Может, хватит, а? Даже у меня от твоих проповедей уши вянут, представляю, каково сейчас молодежи. И что переливать из пустого в порожнее? Как ни крути, а цель проста как лом – обеспечить безопасность нашему солнышку. – (Само солнышко при этих словах озарило всех своей улыбкой.) – В конце концов, никто лучше Даромира этого не сделает. А уж как это ему удастся, какая нам разница.

Молодец Симочка! Всё четко, ясно и понятно. Готов подписаться под каждым словом.

– В общем, на месте сам разберешься. Прощайтесь, и полетели, – буркнул обиженный Серогор и вышел на свежий воздух.

Сима что-то проговорила про себя одними губами и выразительно зыркнула вслед своему воздыхателю. Однако тут же смахнула с себя раздражение и обратилась уже к нам:

– Пока, ребята! Ведите себя хорошо, шибко не озоруйте и не забудьте позвать на свадьбу.

Так и зардевшаяся Селистена молча чмокнула в щеку мою кормилицу и в сопровождении верного Шарика выпорхнула из избушки. Мы проводили ее умиленными взглядами.

– Смотри не обижай девочку, – ни к селу ни к городу выдала Серафима.

– Она сама кого хочет обидит, – не остался я в долгу.

Я уже хотел обнять кормилицу и последовать за Селистеной, но Серафима неожиданно остановила меня. О боги, видимо, меня ждет очередное напутствие. Надеюсь, оно окажется короче напутствия Серогора? Вообще-то моим старичкам давно пора заметить, что их неразумное дитяtko уже выросло и стало дипломированным колдуном.

– Чтобы был осторожен, говорить не буду, всё равно не послушаешь, – вложила свою лепту в мое воспитание Сима.

– Конечно, не послушаю, – охотно согласился я. Но посмотрел в необычайно грустные глаза моей кормилицы и, как мог, постарался ее успокоить: – Сима, ну ты же меня знаешь, всё будет отлично.

– Знаю, поэтому и волнуюсь.

– Я действительно стал очень сильным колдуном.

– И это знаю, но бывают ситуации, когда колдовская сила не сможет тебе помочь.

Я пожал плечами. Что это за ситуация такая, когда мне не поможет моя сила?

Сима нахмурилась и, словно решившись на что-то, продолжила:

– Знаешь, не нравится мне эта княгиня, ты будь с ней настороже, повнимательнее к ней.

– Этого ты могла бы и не говорить, я всегда внимателен к женщинам, особенно к красивым.

Обезоруженная бабанька только потрепала меня по голове.

– Если будет возможность, проверь, есть ли у нее шрам в виде молнии.

– Где? – не понял я.

– На... – Сима немного замаялась, – на попе.

– Симочка, я же почти женат, на что ты меня толкаешь? – бурно среагировал я на такую перспективу. – Но если ты настаиваешь и это надо для дела, то я, конечно, всеми доступными методами проверю наличие шрама на этом пикантном месте.

Неожиданно Сима засмуцалась:

– Забудь, что я тебе говорила.

– Ну вот, только в жизни появилось что-то интересное, и сразу забудь!

– Ой, дождешься ты, что твоя рыжая невестушка покажет тебе где раки зимуют!

– Всю жизнь мечтал узнать, – сказал я, сострив серьезную мину.

– Что? – не поняла Сима.

– А действительно, где раки зимуют? Ни разу в жизни не видел их зимовья.

Не дожидаясь очередной затрещины, я подмигнул моей кормилице, чмокнул ее в щеку и быстренько ретировался.

Во дворе я присоединился к Селистене и ее псу, мы сгрудились вокруг Серогора, держа друг друга за руки (в случае с Шариком это было ухо), и белый колдун провернул на пальце заветный перстень. В следующий миг мы очутились в горнице Селистены. Как только рассеялись синие огоньки, мой наставник помахал нам рукой и растворился всё в том же магическом сиянии.

Всё-таки классная вещь этот перстенок. Вот изничтожу всех врагов моего рыжего солнышка и обязательно поставлю вопрос ребром о его возвращении законному владельцу, то есть мне.

Знаете, что мы сделали, лишь только исчез Серогор? Правильно, поцеловались. Как и следовало ожидать, нас бесцеремонно оторвал друг от друга лохматый враг рода человеческого, успешно маскирующийся под собачьей шкурой.

– Р-р-р! – грозно предупредил блюститель нравственности.

Пришлось подчиниться грубой силе, тем более что мне прекрасно известно, как быстро может этот псин привести свою угрозу в действие.

– Ну смотри, Шарик, после свадьбы духа твоего в этой комнате не будет!

Вместо ответа мой молчаливый собеседник только ухмыльнулся. Знает, паразит, что его никто никогда не прогонит, и нагло этим пользуется.

– Зато целоваться ты нам тогда запретить не сможешь, вот, – тут же парировал я.

– Не сможет, – мурлыкнула Селистенка и со вздохом высвободилась из моих объятий.

Нечисть нечистью, а вопрос о нашей свадьбе надо будет поднять как можно скорее.

Моя рыжая половинка принялась прихорашиваться перед зеркалом, а я развалился в кресле и с удовольствием стал за ней подглядывать. Не знаю, может, когда-нибудь меня этот процесс будет раздражать, но пока мне это очень даже нравится. Наконец Селистена осталась довольна своим отражением и, сияя очаровательной улыбкой, повернулась ко мне. С моей точки зрения, она практически не изменилась, но мне захотелось сделать ей приятное.

– Замечательно выглядишь.

– Правда?

Хм, неужели она думает, что я ей вру? А если и так, то всё равно никогда не признался бы. Хорошо еще, что именно сейчас я могу ответить совершенно искренне:

– Конечно, правда.

Наградой мне послужила всё та же удивительная улыбка. Всё, ребята, пропал Даромир! От такой прелести добровольно не уходят, придется жить долго и счастливо.

От созерцания моей чудной невесты меня оторвал настойчивый стук в дверь. Ну разве можно быть такими бесцеремонными? Ведь знают же, что у боярышни была беспокойная ночь, и чего зря дергать кровиночку.

– Селистена, доченька, у тебя всё в порядке? – раздался из-за двери бас Антипа.

Еще бы не в порядке, ежели я рядом.

– Надо открывать, – грустно вздохнула доченька. Делать нечего, и я направился к двери. Уж коли нельзя побыть еще немного наедине, так хотя бы получу маленькое удовольствие от момента встречи с будущим тестем.

– Я сама, – запоздало среагировала Селистена.

– Представляю, как сейчас обрадуется твой папа! – воскликнул я и резко открыл дверь.

Эх, жаль, что вы не видели лицо премьер-боярина, когда, шагнув в комнату, он нос к носу столкнулся со своим потенциальным зятем, то есть со мной.

– Ты?! – словно не веря своим глазам, и даже с некоторой надеждой, спросил он.

– Конечно, я, – охотно подтвердил я. – Интересно, а кого это вы еще хотели увидеть в спальне вашей дочери, как не меня?

Эка его скрючило, аж позеленел весь. Ну да, на искреннюю радость я, само собой, не рассчитывал, но мог бы хоть притвориться для приличия. Не повезло мне с тестем, хотя, с другой стороны, ему несказанно повезло с зятем.

– Папочка, это я решила вызвать Даромира, – пролепетала моя невестушка самым что ни на есть ангельским голоском, выпорхнув из-за моей спины. – Ты же не против моей безопасности?

Антип немного помялся, но был вынужден смириться с моим появлением.

– Не против, – промычал премьер-боярин, изо всех сил пытаюсь взять себя в руки. – А как же ты здесь оказался?

– Хм, мне кажется, вы забыли, кто я, – резонно заметил я и нарочито выставил перед собой посох, так, чтобы его было лучше видно присутствующим.

Премьер-боярин покосился на навершие в виде собачьей головы и ухмыльнулся.

– Ну да, это в честь моей лохматой эпопеи, – согласился я, – всё же не каждый может похвастать, что завоевал сердце девушки в собачьем обличье.

Словно живая иллюстрация к моим словам, между нами протиснулся Шарик и легкой трусцой направился по своим делам.

– К ненаглядной своей понесся, – пояснила Селистена.

– К Золотухе, что ли?

– Ну да, – хмыкнула солнечная. – Твоими стараниями у них уже щенки появились.

– Категорически возражаю! – взвился я от ложного обвинения. – При чем здесь, собственно, я? Небольшую протекцию я, конечно, составил, а дальше они и без меня прекрасно справились.

А дело было в том, что, будучи некогда Шариком, я познакомился с очаровательной рыжей (ну везет мне на этот цвет!) сукой по кличке Золотуха, живущей в княжеском дворце. Причем хочу заметить: сука – это ни в коем случае не свойство души, а исключительно половая принадлежность. Надо ли говорить, что она втрескалась в меня по самые лохматые уши. Я, конечно, был непреклонен и ловко отклонил всяческие приставания с ее стороны. Однако, соблюдая кобелиный, тьфу, мужской корпоративный дух, по возвращении себе истинного человеческого обличья рассказал настоящему Шарику про свое (то есть его) маленькое приключение и посоветовал не теряться. Судя по всему, советом он воспользовался и продолжает с гордостью нести полученное мною звание первого княжеского кобеля. Тут, кстати, я ни капли не шучу, данное звание было пожаловано мне князем за личную преданность трону и за прекрасный экстерьер.

– Князь Бодун жалуется, что, после того как у Золотухи появились щенята, она совсем отказалась свои непосредственные обязанности исполнять, – пробурчал Антип, – она и раньше смирной была, а уж теперь и вовсе сама доброта стала.

– Любопытно, какой станет наша Селистена, когда детишек нарожаем? – самым что ни на есть смиренным голосом поинтересовался я.

Ответом мне был сдавленный стон Антипа и ярко-красные щеки боярышни.

– Вы что, уже... – словно рыба на суше хватая воздух ртом, едва смог выдавить из себя премьер-боярин.

– Нет!

– Да!

Ответили мы с Селистеной практически одновременно. Угадайте, какой ответ принадлежал мне?

– Ты что, сиротой меня хочешь сделать? — раздалось в голове шипение моей нареченной.

В свое время я научил Селистенку общаться, не открывая рта, так сказать, напрямую, из головы в голову. Я искренне надеялся, что она станет меньше болтать, но быстро понял, что надеждам сбыться не суждено. Она умудрялась закатывать истерики даже молча. И всё-таки ее умение оказалось весьма полезным и довольно успешно использовалось нами. Вот и сейчас моя маленькая невестушка решила устроить мне выволочку, так сказать, без свидетелей.

– А что я? Я ничего!

– Так батюшку сейчас удар хватит!

– Скажите пожалуйста, какие мы нервные, уж и пошутить нельзя.

– И это ты называешь шуткой?

– Конечно, — пожал я плечами, — а как же еще? Нас с тобой ни на секунду не оставляют наедине, так откуда же детям появиться?

– Неизвестно, как бы ты выглядел, будь на его месте.

– Чтобы встать на его место, надо сначала завести такое маленькое рыжее чудо, как ты.

Селистена хотела что-то мне ответить, но переключилась на батюшку, который, обеспокоенный некоторой паузой, испуганно смотрел то на меня, то на свою дочку.

– Папочка, успокойся, у нас всё в порядке, это Дарюша пошутил.

– Сто раз просил не называть меня Дарюшей! — на этот раз я решил воспользоваться мысленной речью, однако ответа не получил.

Между тем Антип пришел в себя и спустил на меня весь свой боярский пыл.

– Молодой человек, потрудитесь впредь воздержаться от проявлений столь сомнительного чувства юмора! Я отложил день вашей свадьбы, так как посчитал, что за время обучения вы станете серьезнее, однако, судя по всему, этого не произошло.

И чего он взвился, что такого особенного я сказал? И вообще, я сегодня серьезен как никогда. Что поделаешь, конфликт отцов и детей. Хотя, если разобраться, никакого конфликта и быть не может. Он однозначно ошибается, я категорически прав.

– Выходит, зря откладывали, — резонно заметил я.

– Нет, выходит, что свадьбу надо отложить еще на неопределенное время, — отрезал Антип.

Мне даже не пришлось высказывать свое бурное негодование. За меня это великолепно сделала моя ненаглядная остроносенькая пигалица. Тем более что за те же самые слова я могу схлопотать полную и окончательную отставку от дома (и от кухни!), а она всего лишь отцовское неудовольствие в виде пыхтения и суровых взглядов.

– Папа, мне казалось, что мы уже обо всём договорились!

Под укоризненным взглядом лучистых глаз дочки Антип заметался. Наверняка за время моего отсутствия рыжая бестия всеми правдами и неправдами выбила из него приблизительный день свадьбы, и теперь отказаться от своего слова премьер-боярин не мог. Ничего не поделаешь, дал слово — держи. Вот именно по этой причине я такими глупостями никогда не занимаюсь, мое слово всегда находится при мне.

Антип из последних моральных сил попытался возразить своей дочке:

– Я хотел выдать тебя замуж за человека серьезного и ответственного!

Вот простота! Неужели он и вправду считает, что с моей рыжей язвой пройдут такие детские отговорки? Если да, то он плохо знает свою кровиночку. Думаю, что вопрос о свадьбе будет окончательно и бесповоротно решен именно сейчас и конечно же положительно.

Чтобы не мешать спорящим, я скромно отошел в сторонку и встал поближе к окну. Кстати, в таком ракурсе я буду виднее участникам бурной дискуссии с заранее известным результатом.

Между тем моя Селистенка разошлась не на шутку:

– Да как ты можешь так говорить про Даромира?! Это он-то не серьезен? А кто бросился под нож Филина, спасая меня? — Честно говоря, это было не сложно. — Кто душил горных спиногрызов, когда они пробрались ко мне в спальню. — Этот подвиг посерьезнее, так как эти твари жутко воняли. — Кто уничтожил гигантскую петунию? Кто...

Вы не представляете, как приятно слушать рассказ о моих славных подвигах, причем из уст невесты. Право, не много людей на земле могут похвастаться чем-то подобным.

– ...И, наконец, кто примчался по первому зову, когда мне грозила беда? Да как же ты теперь можешь говорить, что он безответственный? — продолжала крыть Селистена.

– Я не это имел в виду, — попытался вставить хоть слово Антип.

– А что же? — не отступалась рыжая.

– Я имел в виду, что человек, задумавший создать семью, мог бы быть и посерьезней.

Одно и то же. Вот зануда! Чтобы скоротать время, я взглянул на себя в огромное зеркало, висящее на стене. И что во мне может не нравиться Антипу? Молодость, стать, борода, посох. Да, чуть главное не забыл: люблю я эту рыжую маленькую пигалицу больше жизни! Что ему, собственно, еще надо? Вот я, когда у меня появятся дети, буду идеальным отцом. Никаких дурацких запретов, хочешь жениться – пожалуйста, не хочешь – не надо. Буду отпускать гулять допоздна и разрешу есть сладкое сколько влезет.

От таких мыслей настроение у меня улучшилось, и я нашел в себе силы прислушаться к урагану, который всё еще бушевал в комнате. Как и следовало ожидать, Антип перешел в глухую оборону и только изредка робко пытался что-то возразить дочке.

Пожалуй, пора завершать наш милый семейный междусобойчик. Если Селистенку вовремя не остановить, она может еще долго бушевать со свойственной ей категоричностью. Я смиренно сложил руки на груди и, поймав момент, когда замолчали оба спорщика, полным благоговения голосом спросил у Антипа:

– Можно я буду называть вас папой?

Надо было видеть лицо премьер-боярина! Такого смятения чувств на лице человека описать невозможно. Правда, чуть более ярко, чем другие, читалось желание прямо сейчас меня придушить. Но надо отдать должное выдержке Антипа. Душить колдунов – это, знаете ли, дело не безопасное, они имеют свойство сопротивляться такому негуманному процессу.

– Ты что, серьезно? – раздалось в моей голове.

– Что серьезно? – искренне удивился я.

– Ты хочешь называть моего отца папой?

– Что за чушь? Нет конечно же! Если я стану его сыном, то ты станешь моей сестрой, а на сестре жениться мне не позволяют моральные принципы.

– Так какого лешего ты его пугаешь?!

От вопля суженой моя голова затрещала как перезрелая тыква.

– Моего батюшку чуть кондрашка не хватил, а с него как с гуся вода!

– Он первый начал, — буркнул я, — и к тому же теперь наш милый спор закончен на оптимистичной ноте.

Я уже приготовился принять очередной выпад моей невестушки, как вдруг услышал:

– Привет, дурень усатый!

Этот голос, как и приветствие, могли принадлежать только одному человеку – бывшей няньке Селистены, а ныне управляющей всем Антиповым хозяйством, Кузьминичне. Эта женщина вообще имеет свойство появляться в нужном месте и в нужное время.

– А ты ничуть не изменился, только появился – и уже весь дом вверх дном! Три года тихо-мирно жили, и на тебе: крики, ссоры и прочая суета. Видно, не очень-то на тебя учеба повлияла, как был балбесом, так им и остался.

Для постороннего могло показаться, что выслушав подобное приветствие, я должен был обрушить на голову говорившей всю свою колдовскую силу или, на крайний случай, смертельно обидеться. Можете не сомневаться, если бы на ее месте был кто-нибудь другой, я бы давно метал громы и молнии, а если бы это был мужчина, набил ему морду. Однако тут совсем другой случай. И дело даже не в том, что терпел старушку, когда расхаживал по дому в собачьей шкуре (а тогда возмущаться было глупо), а в том, что Кузьминична мне глубоко симпатична.

Она, конечно, частенько ведет себя словно старая гримза, но есть в ней что-то такое, что вызывает уважение. Спросите что? Так я не смогу вам ответить на этот вопрос. Я вообще не люблю забивать себе голову всякой чепухой, а своим чувствам привык доверять. К тому же главным для нее в жизни давно стало здоровье и благополучие своей воспитанницы, и тут наши чаяния абсолютно совпадают.

При такой вот раскладке тот нюансик, что характер у нее скверный, а рука тяжелая, большой роли не играет. Отношения у нас, конечно, сложные, но ценно то, что камня за пазухой она держать не станет – врежет сразу промеж глаз, и дело с концом.

И последнее, на мой взгляд самое важное, ее качество, которое, не скрою, мне ближе всего: именно в ведении Кузьминичны находится кухня и кладовая со всеми вытекающими отсюда последствиями. В общем, с какой стороны ни взгляни, а хорошими отношениями со старой нянькой я дорожил всегда.

– Погоди, Кузьминична! Я тут слышал, без меня нечисть распустилась? Так это ненадолго, пусть все узнают, что Даромир вернулся!

– Вроде и повзрослел, а всё такой же болтун, – не вполне логично заметила нянька.

– Можно подумать, ты не рада моему возвращению, – хмыкнул я и, заметив, как перекопился от этой фразы Антип, мило скрасил ситуацию белозубой улыбкой.

– Каким ты был, таким ты и остался, – уже мягче произнесла Кузьминична и, вздохнув, добавила: – Да рада, конечно. Это не дело, когда какие-то зубастые твари на лохматых ножках к нашей кровиночке по ночам шастают.

– Истина от первого слова до последнего, – мгновенно согласился я с Кузьминичной. – По спальне нашей Селистены шастать может только верный Шарик и не менее преданный муж. Вот когда мы поженимся, тогда у нас наступит тишь и гладь да Даромирова благодать.

Антип, видимо уже исчерпавший себя, смог только тяжело вздохнуть. Да, сдает старшее поколение, не тянет против молодежи. Вон Селистенка бодря, весела и даже румяна. Обо мне вообще говорить нечего, с меня действительно всё как с гуся вода, хоть сейчас готов в бой с нечистью ринуться. Беда только в том, что эти твари где-то прячутся.

– Ладно, заканчивайте свои споры, наговоритесь еще, – требовательно заявила Кузьминична. – Ты, как я понимаю, надолго прибыл? – уточнила она у меня.

– Навсегда.

Мой скромный ответ добил Антипа окончательно. Ничего, пусть привыкает, ему это даже полезно будет.

– Ну навсегда так навсегда, – философски изрекла старая нянька. – Может, это и к лучшему.

Я хотел что-то сострить в своем стиле, но меня опередила Селистена:

– Конечно, к лучшему, даже не сомневайся. – Кузьминична окинула нас лукавым взглядом, затем посмотрела на Антипа и грустно вздохнула.

– Похоже, прав ты был, лохматый, (это она мне по старой памяти) вы действительно связаны какой-то странной нитью.

Можно подумать, что я когда-то бываю неправ. У меня вообще есть замечательное свойство – даже безнадежную ситуацию перевернуть таким образом, что в конце концов оказываюсь в выигрыше. Кто-то по незнанию назовет это случайностью, а я считаю это следствием моих многочисленных талантов. Судьба, знаете ли, любит веселых и наглых, а не осторожных и занудных. Кстати о здоровой наглости.

– Кузьминична, а что, в этом доме больше не принято кормить дорогих гостей с дороги?

– Кто же знал, что эти самые гости нагрянут без приглашения? – парировала нянька.

– Нелепые отговорки, – не остался я в долгу. – Вам что, жалко куска хлеба?

– Глупостей не говори. Чуть погода спускайтесь в трапезную, я мигом распоряжусь.

– На меня не накрывай, у меня сегодня аппетита нет, – подал голос раздосадованный Антип.

– Это от нервов, – тут же нашелся я, – вот лично у меня с аппетитом всегда всё хорошо.

– Оно и видно, – буркнул премьер-боярин. – Если кто будет спрашивать, я в кабинете, работаю.

Нянька кивнула, и Антип походкой, полной достоинства, отправился к себе.

Да, такого мне ни в жисть не понять. Как можно еду поменять на работу? Однако меня подстерегал еще один удар.

– На меня тоже не накрывай, – мурлыкнула Селистена. – Я с ночи так и не ложились, пожалуй, подремлю немного.

Это, конечно, лучше, чем работать, но тоже для меня непонятно. Не проще ли было поесть хорошенечко, а потом уже с чувством исполненного долга отдохнуть, сколько тебе влезет.

– Солнышко, может, всё-таки вначале перекусим? – робко предложил я.

– Что-то не хочется, – вздохнув, ответила моя худосочная избранница (другого я от нее и не ожидал!). – А ты не стесняйся, иди поешь.

– Да настанет ли когда-нибудь такой день, когда этот охламон будет стесняться? – бросила Кузьминична, уже выходя из горницы. – Приходи минут через десять.

– Не настанет, не надейтесь.

Не успела за нянькой закрыться дверь, как я воспользовался ситуацией и подарил моей чаровнице страстный поцелуй.

– Что думаешь делать? – поинтересовалась Селистена, когда мы наконец, собрав всю свою волю, смогли оторваться друг от друга.

– Как что? Пойду поем!

– Ты можешь хоть немного не думать о еде, – взмолилась боярышня.

– Могу, – честно признался я, – где-то примерно час после обеда.

Селистенка что-то пробормотала про мое обжорство, но благоразумно решила не высказываться вслух. Что зря воздух сотрясать? Неожиданно мое рыжее чудо накинуло на себя покрывало серьезности и наморщило при этом свой остренький носик.

– Нам с тобой надо очень серьезно поговорить. – Хм, это что-то новенькое, раньше мы обходились без таких вот никому не нужных присказок.

– Ну надо, так поговорим, – улыбнулся я, вольготно располагаясь в кресле.

Селистена собралась с духом, для пушей убедительности нахмурила еще и лобик и приступила к своему серьезному разговору. Зачин был впечатляющим.

– Ты меня любишь?

Честно говоря, вначале я хотел пошутить и сказать «нет», но, представив, что со мной за такой ответ сотворит Селистена, тут же передумал. В такие ответственные минуты на женское чувство юмора надеяться нельзя. Именно поэтому мой ответ не отличался оригинальностью.

– Конечно, дорогая.

Не поверите, но, услышав это, моя избранница облегченно вздохнула. Вот чудная, неужели она и впрямь думала услышать от меня что-то другое?

– И я тебя очень люблю. Причем люблю именно таким, какой ты есть, но...

И какие же в таком тонком деле могут быть «но»?

– Но... – замялась боярышня, – но для создания полноценной семьи ты действительно мог бы стать немного посерьезнее.

– Погоди-погоди, – остановил я боярышню, вскакивая с кресла. Я даже подумал, что ослышался. – Ты же только что уверяла Антипа, что я сама серьезность?

– Наши с тобой отношения касаются только нас, – отрезала Селистена, – и указать тебе на некоторые недостатки могу только я.

Честно говоря, против такой логики у меня возражений не было, однако чего от меня хочет невеста, я пока не понял.

Пока я усиленно соображал, Селистена подошла ко мне, обняла и положила голову на грудь.

– Дарюша, только ты не обижайся, но мне хотелось бы, чтобы ты повзрослел не только внешне, но и внутренне. Ну несолидно так себя вести. Ты уже стал дипломированным колду-

ном, посох получил, а ведешь себя до сих пор как мальчишка. Думаю, что немного степенности пойдет тебе только на пользу.

Вот если бы она предъявила свои претензии с ходу, с налету, я наверняка бы возмутился, но тут... Очаровательная головка на моей груди, легкое объятие, непослушные кудряшки приятно щекочут нос, и необыкновенно ласковый и проникновенный голос, от которого по спине уже побежали толпы мурашек. Да от такого набора дрогнет самое неприступное сердце. Мое сердце неприступным назвать нельзя даже с натяжкой, так что я сдался практически сразу. Эх, коварная, знает, как ко мне подойти.

– Да без проблем, серьезным так серьезным! – через полстука сердца уже выдал я. – Для тебя готов на любые необдуманные поступки. Знаю, что буду потом сожалеть о содеянном, но отказать тебе в такой малости я не могу.

– Ты у меня самый лучший! – мурлыкнула Селистена, встала на цыпочки и чмокнула меня в ухо.

– Да, я такой, – скромно согласился я. – Ну а если все формальности утрясены, может, всё-таки перекусим?

– Нет, я действительно очень устала. Слишком много за день произошло: пробыши, перемещение к Серафиме, встреча с тобой, возвращение назад...

– Ну коли так, отдохни, – милостиво позволил я. – А я пока перекушу и метнусь в город, разузнаю, что там и как.

– Только веди себя прилично, ладно?

– О чем речь? Да перед тобой совершенно новый человек!

Получив на прощание заслуженный поцелуй, я прикрыл за собой дверь и помчался заправляться перед пробным разведывательным выходом в Кипеж-град.

Всё, начинаю новую жизнь! На какие только шаги не толкает нас любовь. Вот сказала моя ненаглядная: «Даромир, стань серьезным». А я сразу раз – и стал им. Кто другой попросил бы – ни в жизнь не послушал, а просьба невесты – святое. Расшибись, а выполни. Хотя что тут может быть сложного? Ну лоб хмурить при разговоре, пыхтеть многозначительно, ходить помедленнее. Подумаешь, сложности. Да я вмиг этому научусь, лично для меня не существует ничего невозможного.

Вот с такими мыслями в голове и самым что ни на есть степенным шагом я вошел в трапезную.

– Ты что, на солнышке перегрелся? Вышагиваешь как индюк надутый, – встретил меня приветливый голос Кузьминичны.

От таких слов весь мой солидный стиль исчез, словно его и не было.

– Я изо всех сил стараюсь быть серьезным, а ты меня с ритма сбиваешь.

– А... – протянула нянька, – так это называется быть серьезным?

– Конечно. Иду степенно и важно, говорю медленно и значительно, что еще надо?

– Ничего, – хмыкнула Кузьминична.

– Правильно, ничего.

– Я говорю, ничего у тебя не получится. Да и зачем, собственно?

– Как это не получится? – даже обиделся я. – Селистена хочет, чтобы я изменился в лучшую сторону, так не могу же я невесте отказать в такой малости?

– Ну тогда другое дело, – с лукавой улыбкой протянула нянька. – Только смотри, еще больше дров не наломай в новом обличье.

– Какие дрова? Я же говорю, что стал другим человеком. Теперь всё будет четко, ясно и по заранее продуманному плану.

– Этого я и боюсь, – как-то странно восприняла мои слова Кузьминична. – Надеюсь, твой новый заскок на аппетите не сказался?

Отвечать на столь оскорбительный вопрос я посчитал ниже своего достоинства. Даже если я и сошел с ума, то мой желудок от такого расклада пострадать никак не должен. Вместо ответа я уселся за стол и за один прием уничтожил жареного цыпленка.

Кузьминичне, похоже, такой ответ пришелся по душе. Она села напротив и, не отвлекая меня от еды, принялась рассказывать семейные и городские новости. В общем и целом они совпадали с тем, что я услышал от Селистены.

Сантана, тра-та-та, княгиня, тра-ля-ля, все мужики одинаковые, тру-лю-лю, и всё такое прочее в том же духе. Однако закончила свое повествование Кузьминична куда более парадоксально. Старые кадры, что тут поделаешь.

– Знаешь, всё, что я тебе тут наболтала, – это всё ерунда, пустое, женская ревность, уж больно эта кошка облезлая хороша собой. Тем не менее ты приглядишься к ней получше. Мне сердце подсказывает, что краля с гнильцой внутри. Да гнильца эта не простая, не человеческая.

– А какая? – густо намазывая телятину хреном, поинтересовался я.

– Ведьма она, – перешла на шепот старая нянька, – ведьма и есть. Я это сразу поняла, как на нее в первый раз взглянула. А раз ведьма, так это по твоей части. Никто лучше тебя бесовку на чистую воду не выведет.

Умяв два вареных яйца, я справедливо заметил:

– Ну что касается ведьм, то тут я действительно специалист первейший, мне ведьма вместо матери была, с пеленок воспитала.

– Ведьма? – взвилась, словно петух с насеста, Кузьминична.

– Ведьма, – совершенно будничным тоном подтвердил я. – А чего ты вскочила-то? Поверь, Кузьминична, ведьмы – они как грибы, есть вполне даже съедобные, а есть самые что ни на есть ядовитые. Вот меня-то съедобная, тьфу ты, запутался совсем, то есть хорошая ведьма и воспитала. Я вас с ней непременно познакомлю.

– Не надо, – осторожно проговорила Кузьминична и на всякий случай отсела от меня подальше.

– Да не бойсь ты! – усмехнулся я и отправил в рот порцию маринованных грибочков. – Она тебе понравится, вы, между прочим, чем-то даже похожи. Слушай, у тебя медовухи нет, что ли?

– Я с ведьмами общаться не намерена, – поджала губы Кузьминична. – А медовуху Антип запретил на стол по будням ставить.

– Вот жлоб, какая, собственно, разница, будни или выходные! Желание шмякнуть по маленькой от дня недели не зависит, – с досадой заметил я. – А что касается ведьм и колдунов...

Я специально выдержал паузу, чтобы мои следующие слова дошли до Кузьминичны с максимальным напором.

– Вот ответ мне на один маленький вопросик: вот лично мне ты доверяешь?

– Да, – призналась Кузьминична.

– И правильно, – кивнул я. – А потому что точно знаешь, что за мою, ой, то есть нашу, Селистену готов вывернуться наизнанку мехом внутрь. Так вот, я, между прочим, колдун, причем дипломированный, – тут я показал на посох, – а научил меня всему великий белый колдун Серогор, он что-то навроде Антипа, только значительно круче. И вырастила меня ведьма, Серафимой звать, женщина уникальная во всех отношениях. Понапрасну на нашу братию телегу катить не надо. Если она, эта самая Сантана, пакость к нам подослала, ответ держать будет по всей строгости (а я нынче строг как никогда!), а если нет, пусть правит себе на здоровье.

За всё время нашего знакомства мне первый раз удалось задолбать Кузьминичну логикой. Обычно это она делала со мной. Ну что ж, молодежь – она шустрая и на ошибках прекрасно учится.

Кузьминична немного пораскинула мозгами и, неожиданно для меня, приняла единственно правильное решение:

– А может, ты и прав, ведь действительно грибы разные бывают.

– Ну так! – согласился я, приканчивая заливной язык.

– А раз так, то, я надеюсь, ты эту поганку размажешь по земле? – с придыханием предложила старая нянька. – Знаешь, как в лесу. Идешь себе, грибочки собираешь, и тут глядь, на поляне стоит такая вот Сантана. Крепкая, нарядная, яркая, а ты ее по шляпке сапогом раз, и нет ничего, одна грибная труха.

От такого поэтического расклада я даже на мгновение прекратил жевать кусок пирога с соленой семужкой. Какое всё-таки образное сравнение с поганкой... Не ожидал от Кузьминичны.

– Размажу, можешь не сомневаться, – успокоил я старую няньку. – А может, в виде исключения, плеснешь немного?

Медовуху я, конечно, мог наколдовать и сам, но мне, солидному колдуну, как-то не пристало прятаться по углам с кувшинами медового зелья. А против колдовства за столом, думаю, Кузьминична будет активно возражать.

– Не могу, не проси, – обломала меня по полной программе нянька. – Антип строго настроено запретил. Да и к тому же ты ведь начал новую жизнь?

– Ах да, я и забыл, – вынужден был согласиться я. Пришлось приналечь на выставленные передо мной разносолы. Пожалуй, копченая осетринка немного скрасит отсутствие горячительных напитков.

Следующие несколько минут прошли в молчании. Кузьминичне, судя по всему, моя теория классификации колдунов да ведьм пришлась по сердцу, и она что-то старательно прикидывала про себя. Но только я принялся уничтожать кроличье рагу, Кузьминична вышла из оцепенения и резко сменила тему:

– Слушай, родной, может, скажешь наконец, что ты такое нашей Селистенушке наплел, что она теперь мясо есть стала?

У меня прямо кусок крольчатины комом в горле стал, а такое поведение жаркого я категорически не приемлю.

– Да ничего особенного... – начал мямлить я, не решаясь рассказать старой няньке правду.

– Да ладно, не тушуйся, говори. Я вон сколько лет не могла ее уговорить, а у тебя в момент получилось. Ну колишь, что наплел нашей рыжеволосой?

Немного посомневавшись, я всё-таки признался:

– Сказал, что если есть побольше крольчатины, то грудь увеличится в размерах.

Нянька с минуту просто смотрела на меня, а потом разразилась раскатистым смехом. Наконец, отсмеявшись, смогла заговорить:

– И она что, поверила в эту чушь?!

– Поверила, – пожал я плечами, – сам удивляюсь, но факт остается фактом.

Кузьминична хохотала еще долго. Но вдруг, на пике очередного приступа, замерла.

– Слушай, а грудь у нее в последнее время действительно увеличилась, – тихо проговорила Кузьминична и с некоторой опаской посмотрела на плоскую рагу из крольчатины.

– Да ладно, сказок не рассказывай, – отмахнулся я от нее, но вдруг вспомнил силуэт моей невесты: носик, волосы, талия, грудь...

– А действительно... – под грузом неоспоримых доказательств был вынужден признать я. – Но честное слово, я это придумал, чтобы она хоть немного получила нормальной еды.

– Ну коли так, ты просто гений, совместил полезное с приятным.

– Так я тебе всё время об этом твержу, а ты всё сомневаешься.

Дальше я продолжал подкрепляться молча. Медовухи мне не дали, а ведь всем известно, что настоящей задушевной беседы без нее никак не получится. Кузьминична тоже, думая о чем-то своем, молча поглощала кроличье рагу. Эка их всех торкнуло, да коли так дальше пойдет, то бедных кроликов на Руси-матушке под корень изведут. Хотя... Тут я представил, что из этого получилось бы, и плотоядно улыбнулся всей своей белозубой улыбкой.

Пусть едят, с какой стороны ни глянь, а мне только лучше будет!

Чрево мое наполнилось под завязку, и я пришел к выводу, что пора приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей, как то: выявление и уничтожение недоброжелателей своей временно не очень рыжей невесты. Ничего, Сима мне никогда не врет, и скоро моя девица станет по-настоящему солнечной. Что же это за Селистена – без конопушек и без рыжих локонов?!

Поблагодарив гостеприимную хозяйку, всё еще пребывающую в какой-то излишней задумчивости, я встал из-за стола и направился было к выходу, но задержался у зеркала.

А что, очень даже солидненько выгляжу, стать, как говорится, налицо, даже подправлять ничего не надо. Что значит борода – огромное значение для приобретения веса в обществе имеет. Отрасти бороду, и вперед.

Так как у меня с этим атрибутом всё в порядке, будем считать, что половина дела сделана. Я отступил на шаг, повернулся одним боком, другим. Лукавить не буду, отражение меня вполне устроило – хоть сейчас в Боярскую думу, портки просиживать. Но это я, конечно, пошутил, таких жертв от меня даже Селистена не дождется.

Изящно помахивая посохом, я вышел из комнаты и тут же столкнулся нос к носу с моим давним недругом, котом Барсиком. Хотя стоп, что это я говорю? Нос к носу мы столкнуться теперь не могли по определению. Этот тип просто врезался в мои сапоги.

Честно говоря, я раньше к кошкам относился абсолютно нейтрально, но после того, как, будучи в шкуре Шарика, познакомился с одним мелким пакостником поближе, то проникся ко всей кошачьей братии чувством глубокой неприязни. Может, где-то бродят и приличные коты, но шкодливый Барсик к ним не относится никаким боком.

Между тем наглый котяра недовольно на меня фыркнул и, недолго думая, полоснул лапой по моим новым сапогам. Мол, что, не видишь, куда прешь? Ну нет, родной, хотя я и начал новую жизнь, но порчу личного имущества безнаказанным оставить не могу. Материальная сторона нашей встречи меня как человека благородного не интересует, а вот моральную компенсацию я получить намерен.

Барсик, словно почувствовав неладное, поднял морду, и наши взгляды встретились. Мои чистые голубые глаза, видимо, показались котейке смутно знакомыми. Барсик тут же сгруппировался, выгнул спину дугой, вытянул хвост трубой и предупредительно зашипел. Ха, нашел чем меня испугать, да я этими вот зубами двух спиногрызов придушил! Хотя зубы, конечно, были Шарика, но в данной ситуации это непринципиально.

Тут мне в голову пришла замечательная, на мой взгляд, мысль. Помнится, в собачьем обличье мне очень даже удавались жуткие оскалы и грозное рычание. Что ж, пожалуй, трягну стариной. Шарик, конечно, провернул бы это дельце профессиональнее, но я тоже чего-то стою.

Тщательно припомнив, как это у меня тогда получалось, я соорудил жуткую гримасу, оскалил зубы и, набрав в легкие побольше воздуха, зарычал. Судя по тому ужасу, что я прочел в глазах Барсика, выступление мне удалось. Боевой наглый кот, готовый к схватке, уступил место охваченной паникой домашней киске. Эта самая киска прижала уши, скукожилась и замерла в оцепенении.

Видимо, кот ожидал от странного гостя чего угодно, но не собачьих замашек. А я вообще всегда отличался оригинальностью, пора бы уже и привыкнуть. Чтобы поставить точку в этом небольшом эпизоде и вывести кошака из ступора, я подмигнул ему и просто, но выразительно сказал:

– Ам!

От неожиданности и страха Барсик бросился прочь со всех лап и спустя мгновение скрылся за поворотом. Звон разбитой посуды дал понять мне, что на пути между котом и спасительным чердаком встал большой кухонный шкаф. Ну это он сам виноват, надо смотреть, куда бежишь.

О боги, как же хорошо! Я словно никуда и не уезжал из терема. Странное дело, еще несколько часов назад я был вне себя от гнева, а теперь я даже благодарен тому типу, что подослал к моей рыжеволосой прелести стаю пробышей. Ведь именно благодаря ему я снова вдохнул полной грудью запах приключений, а не просиживаю штаны за пыльными книгами.

Однако смею вас уверить, что эта благодарность никак не отразится на моей решимости пощипать перья таинственному пакостнику. Как и полагается колдуну в моем статусе, месть моя будет страшной, настрой серьезным, а поступки непредсказуемыми. Главное – вычислить его, а уж процесс уничтожения, при моем классе, думаю, займет не очень много времени. В конце концов, я Даромир – гордость «Кедрового скита» и гроза нечисти. Да что я вам рассказываю, вы и так всё обо мне знаете.

Вот честное колдунское слово, я действительно собирался начать новую жизнь и соответственно стать самым серьезным колдуном на всём белом свете! И поверьте, мне бы это, несомненно, удалось, если бы на выходе из терема я не столкнулся со старыми приятелями, стражниками Антипа, братьями Фролом и Федором. Три года назад эти два рослых молодца показали себя как нельзя лучше, и у нас сложились если не дружеские, то вполне приятельские отношения. В общем, я был очень даже рад снова видеть этих добродушных (если их, конечно, не злить) детинушек. Братья, по обыкновению, сразу перешли к делу:

– Здорово, Даромир!

– Когда вернулся?

– Да, ночью тут у нас была заварушка.

– Но мы конечно же не подкачали.

– Нам ведь не привыкать нечисть молотить!

– Мастерство не пропьешь и не купишь!

– Кстати о птичках, смена у нас закончилась, так, может, за встречу?

– Чисто символически, по ковшичку пропустим, и всё.

– Ты не волнуйся, нам тоже надо пораньше вернуться.

– Дело военное, сам знаешь!

В общем, когда я всё-таки смог вставить слово и сказать формальное «привет», меня эти два типа уже тащили под руки в неизвестном, но вполне вычисляемом направлении. Клянусь, я даже немного посопровтивлялся для приличия. Однако мои слабые аргументы, вроде того что надо разузнать, кого это опять не устроило мое рыжее чудо природы, были вдребезги разбиты железной логикой братьев.

– Об чем речь, обязательно разузнаешь, ради этого мы тебя в трактир и тащим!

– Знаешь, где все новости можно узнать?

Во народ, да я мявкнуть не успел, как один из братьев тут же ответил на вопрос другого:

– Правильно, конечно же в трактире! Только там ты можешь совместить приятное с полезным!

Спорить с ребятами было бессмысленно, и, положив руку на сердце, не очень-то и хотелось. Справедливо рассудив, что я могу немного посидеть и уйти, я тут же расслабился и перестал сопротивляться. Если нельзя предотвратить гулянку, просто необходимо ее возглавить!

Наконец мы вышли на небольшую улочку и притормозили у столь милого моей душе местечка. Это был удивительный трактир Едрены-Матрены. Именно с него начались мои приключения в Кипеж-граде, и в нем же они закончились. Я хотел было толкнуть массивную дверь (а у Матрены всё было массивным!), но тут мой взгляд задержался на новой вывеске. Раньше

на ней была изображена дородная дама с огромным бюстом, держащая на подносе поросенка, а теперь... Теперь на ней красовалась лохматая собачья морда со свиным окороком в зубах. Название также изменилось, и под лохматенцией красовалось: «Даромирова трапеза».

Вот это да, во Матрешка дает! Думаю, что теперь здесь мне должны предоставить существенные скидки, а при моем неумемном аппетите это будет весьма кстати.

– Да, теперь мы гудим в трактире имени тебя! – заметили братья, дружно рассмеялись и решительно толкнули дверь.

Питейное заведение имени моей прошлой лохматой эпопеи встретило нас умопомрачительным запахом жареного мяса и громоподобным голосомхозяйки:

– Кого я вижу! Неужели великий и ужасный Даромир вспомнил про существование обычных земных радостей?

От такого приветствия я даже поперхнулся. Как же несправедлива судьба в лице очаровательной женщины-горы! Сколько раз, зубря какое-нибудь закoveryристое заклинание, я вспоминал об этих самых радостях и, стиснув зубы, гнал их прочь. Ну ничего, жизнь налаживается, и я опять начинаю свои похождения отсюда. Надеюсь, впредь не заслужу столь необоснованных обвинений. Ведь даже у самого что ни на есть примерного мужа и колдуна всегда найдется свободная минутка для посещения этого чудного заведения.

Я галантно поклонился и поцеловал Матрене руку.

– Рад вас видеть, несравненная и прекрасная Матрена!

Женщина-гора зарделась как маков цвет и смущенно прогромыхала:

– Ведь знаю, что врешь, а всё равно приятно.

– Никакого вранья, одна чистая правда, – смиренно заметил я и подарил ей одну из моих очаровательных улыбок. А вы что думаете, если женщина габаритом с бычка-переростка, то ей доброго слова не хочется услышать? Еще как хочется! Женщина – она всегда женщина, вне зависимости от веса, роста и наличия красоты.

– Свет не видел такого подхалима.

– Вот никогда ты мне не веришь, а зря, – с совершенно серьезным видом укорил я хозяйку.

– Вывеску-то видел?

– А то!

– Надеюсь, не против?

– Конечно нет, – с присущей мне скромностью заверил я.

– Ну и долго мы в дверях торчать будем? – Жаль, но своей репликой чересчур нетерпеливые братья испортили весь наш практически светский разговор.

– Может, перекусим, а потом и поворкуете?

– Знаю, как вы перекусываете, опять всю ночь песни горланить будете, – буркнула Едрена-Матрена.

– Кто, мы? – взвились Фрол с Федором.

– Да мы по чуть-чуть, и баиньки!

В моей голове мелькнула шальная мыслишка, что наши посиделки плохо кончатся, но была с позором изгнана из моей головы. Что тут может быть плохого? По ковшичку пропустим, и всего-то делов.

Матрена немного посомневалась и наконец решилась:

– Ладно, в честь дорогого гостя пушу в отдельный кабинет.

Через минуту вся компания ввалилась в небольшой зальчик, когда-то это было совершенно заурядное помещение, но три года назад оно стало жемчужиной заведения Едрены-Матрены. Связаны эти изменения, естественно, были со мной.

Когда в результате роковой случайности я влез в шкуру Шарика, то тем самым был лишен возможности применить свое колдунство на практике. Как известно, для успешного колдов-

ства нужны голова, рот и руки. Голова вспоминает заклинание, рот проговаривает его, а руки запускают на полную катушку. Башка и пасть, хоть и в весьма измененном виде, у меня тогда остались, а вот с лапами возникли некоторые проблемы. И не то чтобы я не мог колдовать совсем, а просто результат моего колдовства был абсолютно непредсказуем.

Нет, сейчас, когда я достиг пятой ступени посвящения, я могу колдануть и без рук, а вот тогда... Тогда случались всяческие накладки. Так вот именно здесь я решил щегольнуть пред боярышней (она в тот момент начинала мне уже нравиться) своим мастерством. Если мне не изменяет память, я хотел преподнести моей рыжей прелести букет полевых цветов. Цветов, конечно, не получилось, зато прямо из центра стола вырос замечательный, крепкий дубок, с чудной молодой листвой и весь усыпанный желудями. Из него-то ушлая Матрена и сделала изюминку своего заведения и за обед под сенью моего дубка стала брать тройную плату. Хорошо еще, что ко мне это не относится.

Мы расселись за столом, и я стал осматривать произведение моего дефектного колдовства. За три года дубок немного подрос, окреп... Стоп, а это еще что такое? На коре дуба имени меня ясно виднелась надпись: «Здесь пил Вася». Внимательно пробежавшись взглядом по деревцу, я обнаружил еще с десяток совершенно идиотских надписей вроде первой.

Не, ну что за хулиганье тут живет! Это ценный, можно сказать уникальный, реликтовый экземпляр, а они его царапать. Да этому Васе я при встрече руки оборву по самые уши, будет знать, как выставочный образец портить.

– Да-да, – заметив мое негодование, вздохнула Матрена. – Как за ним ни слежу, всё одно умудряются какую-нибудь похабщину написать. А еще желуди почти все оборвали. Это, видите ли, у них теперь сувениром обзывается.

Ну нет, такого отношения к родной природе я не допущу. Это как-никак первый, он же мой единственный, опыт в садоводстве. Ой, то есть в дубоводстве.

– Ничего, сейчас что-нибудь придумаем, – успокоил я Матрену.

Подобрав в уме подходящее заклинание, я проговорил его, щелкнул пальцем, и мой дубок на мгновение покрылся инеем. Когда иней растаял, все варварские надписи исчезли, а дуб покрыла молодая поросль и украсили гроздья желудей. Чуть подумав, я щелкнул пальцем и добавил еще одно малюсенькое противовандальное заклятие.

– Кто у нас больше всего желуди любит? – спросил я у Матрены.

– Свины.

– Точно, вот у этих умников вместо носа пяточок и вырастет.

– Слушай, а ты не слишком с ними круто? – осторожно поинтересовалась хозяйка.

– Так я что, без понятия, что ли? Всего на день. Правда, думаю, этот день надолго отобьет желание хулиганить.

В процессе борьбы за восстановление природных ресурсов я даже не заметил, что Фрол с Федором о чем-то оживленно совещаются. Насторожило меня то, что слишком уж часто упоминают они мое славное имя.

– Ну как, по «Даромировой закуске» или сразу по «Обеду Даромира»?

– Слушай, может, ради такого случая «Подвиг Даромира» возьмем?

– Я не против, тем более к нему прилагается три кувшина крепкой «Даромировки».

– Ну раз так, без вопросов, – согласился с братом Федор и обратился к Матрене: – Значит, нам «Подвиг Даромира», а пока приготовится, как обычно, «Даромиров перекус» и пару кувшинов медовухи.

– Лучше три, – поправил брата Фрол.

– Пожалуй, лучше, – не стал спорить Федор. – И на стол не чарки поставь, а ковши, с ними как-то сподручнее.

Я никак не пойму: у меня с ушами что-то не то или братья на солнышке перегрелись? Пока я хлопал глазами, первой догадалась мне объяснить смысл происходящего, конечно, Матрена:

– Даромирушка, ты не нервничай, я тут даже ни при чем, это как-то само собой получилось. Когда я трактир переименовала, нашлись некоторые простаки, которые о тебе и слыхом не слыхивали. Так я им про тебя подробно рассказывала. А так как лично у меня любой рассказ о твоих похождениях заканчивался перечислением твоих кулинарных пристрастий и похвалой твоему прекрасному аппетиту, то как-то все привыкли, что самое маленькое блюдо – это «Даромирова закуска», а самое большое «Подвиг Даромира». Было еще блюдо «Завтрак боярышни», но оно как-то не прижилось. Слишком мало ко мне ходит народу, который копченому телячьему боку предпочтет вареную морковь и свеклу.

Ну и ну, я даже немного оцепенел. Не каждый день, знаете ли, посещаешь питейное заведение имени меня, заказываешь блюдо имени меня же и запиваешь медовухой, опять-таки названной в мою честь. Хорошо еще я попался, а то окажись на моем месте какой-нибудь излишне скромный хлюпик – и окочурился бы от такого набора.

Ну да ладно, я, слава богам, скромностью не страдаю. Да разве мне жалко, если люди будут вкусно и обильно питаться, вспоминая славного парня Даромира? Ответ отрицательный – не жалко.

– Надеюсь, хуже твоя стряпня за это время не стала?

В ответ Матрена только повертела пальцем у виска:

– Сам, наверное, понял, какую глупость сморозил.

– Понял, – признался я.

– Ну раз понял, прощаю, – смилостивилась надо мной хозяйюшка и вышла из кабинета.

Через несколько минут на столе оказалась холодная копченая телятина, головка сыра, соленья и хлеб. Судя по всему, это и есть «Даромиров перекус». Что ж, на разминку потянет. Фрол торопливо разлил по ковшам первую порцию медовухи, и два брата горящим взглядом уставились на меня. Одичавший в глухих лесах, я вначале даже не понял, что они от меня хотят, но потом, глядя на нетерпеливое покачивание посуды, догадался. Конечно же тоста! Вообще-то тосты я говорить умею и очень даже люблю, но сейчас, глядя, как пенится и играет медовуха в ковше, мне почему-то захотелось быть кратким:

– За встречу!

Оказалось, что братья тоже не были сторонниками длинных разговоров. Их реакция была лаконичная:

– Ура!

Три посуды звякнули над столом, и богатырская доза пенного меда полилась в наши чресла. Божественное наслаждение – после трудного дня пропустить по чарочке с приятелями в уютном местечке. Но усугублять, конечно, не надо, я как-никак новую жизнь начал. Вот по второй пропустим, и я пойду.

– За дружбу! – подхватил эстафету Федор.

– Ура, – дружно ответили мы, и очередная порция медового наслаждения потекла по пищеводу.

Закусив небольшим кусочком телятинки, я решительно встал со скамьи:

– Всё, ребята, я пошел.

– Куда пошел?

– Как этот пошел?

– А поговорить?

– Мы же столько времени не виделись!

– Мы и сами засиживаться не собираемся, завтра же на службу!

– Не разбивай компанию, вместе пришли, вместе уйдем.

От трескотни ратников у меня даже голова загудела.

– Да не могу я сегодня! – попытался сопротивляться я.

– Ладно, не хочешь – не пей, но посидеть-то ты с нами можешь? – резонно заявил Фрол. Аргументов против такого предложения я найти не смог, ведь никакого криминала тут нет. Пить я больше не буду, а посидеть – посижу. Приняв такое важное решение, я поставил в угол свой посох и поудобнее уселся в кресле.

– Молодец! – похвалили меня братья, и Фрол тут же наполнил посуду.

– Я не буду больше, – предупредил я.

– Ты не пей, просто пусть будет налито, – пояснил Федор.

Тут в дверях появилась первая партия «Подвига Даромира». С огромного подноса на стол перекечевала селедочка, присыпанная зеленым лучком, ароматная ветчина, грибочки, огурчики и гора жареных куриных крылышек. Именно за них и принялись первым делом братья. Я хотел было последовать их примеру, но, к своему дикому ужасу, обнаружил, что не хочу есть.

От такого открытия я даже тихонечко застонал. Да меня же Кузьминична накормила от пуза. Какая катастрофа – быть в трактире у Матрены и не иметь сил попробовать ее замечательной стряпни!

Ратники, не стесненные подобными моими обстоятельствами, лихо расправлялись с крылышками, не забывая при этом по очереди рассказывать городские новости. Новостей оказалось немного, точнее, всего одна – новая княгиня Сантана. Как ни странно, даже ночное происшествие не удостоилось такого обсуждения, как красота данной дамы. Ратники вели себя так, словно целыми днями только и делают, что шинкуют серебряными кинжалами всевозможную нечисть. Напротив, рассказ про Сантану был ярок и выразителен.

– Старик, ты бы видел эту женщину! Сказать, что она красива, – значит обидеть ее. Нет, она не красива, она божественна!

– А фигура? Чудо, а не фигура!

– А ноги? Да таких ног больше на всём свете не сыщешь!

– А бюст? Да такие формы надо перевести в разряд народного достояния!

– А...

– Хватит! – поспешил я остановить братьев, пока они не продвинулись слишком уж далеко, как-никак княгиня.

Ратники продолжали рассыпать комплименты правительнице Кипеж-града, но слушать это было уже неинтересно. Судя по восторгам братьев, боги красотой ее действительно не обидели. Но меня-то этим не удивишь, я, пока с моей Селистенкой не познакомился, столько красоток повидал, что этим охламонам и не снилось. Меня вообще удивить трудно. Ладно, напрошусь завтра с Антипом на какой-нибудь прием во дворце (вечно они там что-то или кого-то принимают) и составлю свое собственное мнение об этой дамочке.

Она, кстати, может оказаться, причастна к нападению на мою рыжую прелесть, а при таком раскладе от моего праведного гнева ее не спасет ни княжеское звание, ни красота.

– За княгиню! – провозгласил новый тост Федор.

– Ура, – тут же философски изрек Фрол, и братья гулко чокнулись ковшами.

Ох уж мне эти самые ковшики... Как стучат, проклятые. А между прочим, медовуха совсем даже не вкусная и уж тем более не полезная, и я себя веду так, что моя ненаглядная Селистена могла бы мною гордиться. Ну почему у братьев такие блаженные физиономии?!

Дверь опять открылась, и появилась вторая партия «Подвига», потом третья, а потом и четвертая. В конце концов мне стало ясно, почему комплекс блюд называется именно так. Да просто проглотить такое количество еды может только истинный герой. В общем, на столе оказалось... Хотя нет, замучаюсь перечислять всё, что там оказалось, проще сказать, чего там не было. А не было непонятных иностранных странностей и вареных овощей, столь некогда любимых моей уникальной невестой.

Между тем братья оказались настроены серьезно. Видимо, они твердо решили совершить сегодня подвиг и уничтожить всё, что принесла заботливая Матрена. О боги, с каким удовольствием я бы помог им! Но не могу, в моем животе категорически нет места. Хотя постойте, пока я переживал, похоже, оно появилось. Что ж, оно и к лучшему, вон тот кусок жареного барашка явно достоин того, чтобы заполнить высвободившееся место.

Барашек оказался просто великолепен (впрочем, как и вся Матренина стряпня), в меру прожарен и сильно проперчен. Однако, проглотив его, появилось жгучее желание чем-то залить пожар во рту, вызванный ароматным перцем. В поисках подходящего напитка моя рука принялась шарить по столу и абсолютно случайно наткнулась на мой ковш, полный медовухи.

– За прекрасную Селистену! – рявкнул Федор и поднял свою посудину.

– За невесту Даромира! – поддержал брата Фрол. Ну и как я после этого мог не поднять заветный ковш? Да если бы я это не сделал, я бы себя уважать перестал! Ну нет, уважение к себе я потерять никак не могу.

– За мою рыжую прелесть!

А дальше всё понеслось по накатанной... Тосты, медовуха, хохот, байки про то, как однажды боярин Никодим вернулся раньше времени из думы домой, а там... Надеюсь, хоть вы понимаете, что я до последнего сопротивлялся проискам коварных братьев?

Ковши не пустовали ни секунды, тосты неслись со скоростью бешеной белки, «Подвиг Даромира» исчезал со стола в наших желудках прямо на глазах. Интересно, а откуда, собственно, место для него появилось? Помнится, в начале нашего общения я даже смотреть на еду не мог. Вот что значит для мужчины слово «надо».

Вот сказали братья что-то типа: «Надо, Даромир, надо», и тут хоть умри, а просьбу друзей выполни. А как же иначе? Ведь мы с ними спина к спине кровь проливали! Причем не чью-нибудь кровь, а наших врагов. Так как же я после этого откажу им в такой малости?

– За князя!

– За княгиню!

– За Селистену!

Ну, вы понимаете, общий язык мы нашли. Тут один из братьев (они так похожи!) предложил:

– А давайте споем!

– Я тебе спою, обалдуй великовозрастный, – тут же спокойно предупредила Матрена, поигрывая пудовым кулаком.

– Так мы же не просто так петь будем, – пояснил Фрол. – Мы же нашу любимую!

К моему удивлению, хозяйка сразу сменила гнев на милость и даже открыла дверь в общий зал. Интересно, что же за песня в таком фаворе у несравненной Едрены-Матрены?

Братья пропустили по глоточку, прополоскали горло, обнялись и в две луженые глотки завопили:

О великий Даромир, победитель темных сил,
Нечисть славно победил, о тебе узнал весь мир!

От неожиданности я чуть не предстал на высший суд посредством соленого груздя, застрявшего у меня в горле. Дело тут в том, что это был припев к балладе, сочиненной двумя некондиционными представителями нечисти, луговыми спиногорызами.

Кто не знает, поясню. Эти реликтовые ребята прославились тем, что обвешали себя цветами, гирляндами и категорически отказались действовать по канонам стандартной нечисти, то есть они решили не причинять никакого вреда человечеству. Мало того, они решили не причинять вреда вообще никому. Это оказалась сложновато, и в результате их принялись уни-

чтожать и ближайшие (но отринутые) родственники, и всё те же люди, никак не желающие поверить, что нечисть может быть хорошей.

С такой вот странной парочкой луговых спиногорызов (спиногорызы, они парами ходят) по имени Тинки и Винки, я и повстречался во время моей лохматой одиссеи. Вдобавок ко всему эти два нестандартных типа проявили склонность к поэзии и к пению (я же говорил, что они ненормальные!), они-то и сочинили весьма пространную балладу о моих похождениях.

– Ребята, только не это! – взмолился я.

– Почему? – искренне удивился Фрол.

– Да пусть орут, – неожиданно для меня заступилась за братьев Матрена. – Это ж народное творчество. Воспевание подвигов Даромира в нашем трактире уже стало традицией. Да после заказы сыпятся, словно желуди с дуба в ветреный день.

– Ну если с этой точки зрения, – скрепя сердце согласился я. – Тогда я не против.

– Исключительно ради благополучия Едрены-Матрены! – подтвердил слова хозяйки Федор.

Два брата переглянулись, сделали по огромному глотку медовухи и завели свою песнь по новой:

– О великий...

Ну а дальше вы знаете, после этого жуткого припева там еще не меньше сотни куплетов. Что подделаешь, порезвился я в свое время на славу. Правда, немного вслушавшись в текст, я с удивлением обнаружил, что за время моего отсутствия он весьма существенно изменился. Братья-ратники (оба в некотором роде участники нескольких моих подвигов) оставили только те эпизоды, что касались непосредственно их.

Такой несправедливости я, конечно, перенести не мог. Собравшись с духом, я выдул залпом заботливо наполненный Фролом ковш и кинулся восстанавливать справедливость. В конце концов, страна должна знать своих героев!

Честно говоря, всё, что происходило дальше, слилось у меня в один большой поток. Надо ли говорить, что этот поток состоял из песен, медовухи и «Подвига Даромира». До сих пор не пойму, как и куда только этот самый «Подвиг» смог уместиться?

Вообще-то, глядя назад, я собой остался доволен. Это надо же иметь такую силу воли, такую твердость характера, чтобы поступить так, как я! Ведь мог бы остаться с приятелями в трактире и сообща добить «Подвиг Даромира», а я героически взял себя в руки и отправился домой. Да, еще совсем недавно это было бы просто невозможно, а сейчас – пожалуйста. Вот что жизнь семейная с людьми делает!

Фрол с Федором продолжали куролесить (правда, уже несколько вяло), а я решительно с ними простился, послал воздушный поцелуй Матрене (она в ответ по традиции погрозила мне кулаком) и выбрался на свежий воздух. Прохладный ветерок тут же ласково принялся трепать мои волосы. Уф, хорошо-то как!

И вдруг с некоторым изумлением мой мозг, находящийся в глубоком медовом блаженстве, отметил, что на улице уже темно. Вот это да, неужели мы настолько засиделись? Всё, на сегодня хватит. Будем считать, что разведка прошла удачно и можно с чувством исполненного долга возвращаться домой.

С такими вполне разумными мыслями я сделал парочку нетвердых шагов по направлению к этому самому дому и вдруг четко осознал, что все внутренние силы я оставил в трактире Едрены-Матрены. Нет, настроение у меня просто шикарное, голова варит как обычно, а вот ноги слушаются плоховато.

Я сделал еще шаг и пришел к выводу, что дальнейшее перемещение по грешной земле в таком стиле для меня категорически неприемлемо по причине катастрофической усталости. Я согласился с доводом моих многострадальных ног и, так сказать, чтобы легче думалось, уселся на широкую скамью рядом с трактиром.

Всё-таки удивительная вещь медовуха! Вначале теплая и ласковая, словно любимая женщина, а потом грубая и коварная, как злая мачеха. Конечно, правильнее было бы остановиться на перлом этапе, но, положив руку на сердце, признаюсь – получается это крайне редко. Вот, кажется, еще один, самый что ни на есть последний поцелуй (то есть глоток) любимой женщины, и всё. Потом пауза, еще один последний, еще, а потом появляется она... злая мачеха.

Но сегодня она пришла что-то рановато. Ну после десяти кувшинов это я понимаю – ее время, но не после девяти же! Я же точно помню, что за восьмым пошел девятый, а после девятого я отправился домой.

Стоп, вот где собака порылась! Это всё Федор. Это он предложил хлопнуть по ковшику на посошок, а потом еще по стремennomу. Спрашивается, какой может быть стремненной ковш, коли у меня нет ни стремени, ни лошади? Оказывается, лошадь для этого дела совсем даже не нужна. Всё, сошлось, значит, зря я на мачеху ворчал, она оказалась точной и пришла вовремя.

Ладно, с причиной разобрались, теперь разберемся и со следствием. Нет таких жизненных задачек, которые не смог бы решить Даромир! Значит, так, надо идти домой, но ноги не идут, а попасть домой всё-таки надо. Отсюда вывод – надо лететь. Ха, и всего-то?

От простоты столь гениального решения всех проблем немного упавшее настроение восстановилось на прежней отметке. Что ж, пора на практике применить знания, которые столько лет вдалбливали мне в «Кедровом скиту». Что это за колдун без умения колдануть когда надо?

Я собрался с мыслями, потом с силами и залез ногами на скамью. Да, я, конечно, знаю, что это некультурно и прочее, но мне сейчас не до условностей. Для взлета в моем состоянии необходим трамплин. Ну ничего, завтра приду и вытру, надеюсь, Матрена на меня не шибко осерчает.

Полная концентрация, заклинание, пасс рукой, хлопок, взлетаю... ой, как это негигиенично. Лицом – да в дорожную пыль. А тут, между прочим, лошади ходят, кошки-собаки, да еще птицы перья поразбросали. Погодите, погодите, да это же мои перья! Ну да, точно мои.

Я внимательно осмотрел результат действия заклинания и вполне осознанно идентифицировал себя как сокола, правда немного потрепанного. Хотя чего я хочу? Со скамьи клювом вниз свалиться – еще не таким станешь.

Однако это мелочи, в конце концов, в бане отмоюсь. Но всё-таки почему я не взлетел? Чтобы лучше думалось, с третьей попытки, помогая себе клювом, когтями и крыльями, я забрался назад на скамью. О, понял, я забыл крыльями махать! Весь сконцентрировался на заклинании, а про такую малость не вспомнил. Хм, странно, раньше вроде такого со мной не бывало.

Ладно, это всё пустяки, главное – я птица и помню, что надо махать крыльями, теперь не пропаду. Еще одна попытка, толчок, взлет, крылья вверх-вниз, вверх-вниз. По-моему, получается. Замечательный трактир имени меня растаял в темноте. Крылья заработали в полную силу и понесли меня по направлению к дому.

Однако тут произошло воздушно-пернатое происшествие. Только я расслабился и предался думам о бренности мирского существования, как мне навстречу, прямо наперерез моему курсу, ринулась какая-то облезлая ворона.

Лобового столкновения было не избежать, однако в последний момент, благодаря своему опыту, я успел немного отвернуть влево, тем самым смягчив столкновение. От сильнейшего удара меня отбросило в сторону, и мои прекрасные перья опять полетели в разные стороны. Хорошо еще я успел заметить, что у пернатого наглеца перьев посыпалось еще больше. Ну так знай наших!

Пока я выправлял курс, набирал высоту, ко мне уже примчался этот визгливый каркуша. Что тут было... Перья веером, крики, вопли и обидные обзывательства. Язык птиц я знаю в совершенстве (еще Сима научила), так что узнал о себе много нового. Если хотите, могу перевести, что этот воздушный хулиган высказал мне в мои честные голубые глаза.

Мол, город не резиновый, поналетели тут со своих степей, дистанцию не держат, за встречным потоком не следят, кто вас вообще летать учил! А перья кто теперь ему новые вставит?

Я было попытался корректно возразить, что двигался согласно правилам, соблюдая положенную дистанцию, но этот тип потянул клювом в мою сторону и заверещал совсем уж неприличные вещи.

Мол, я еще и пьяный, и вообще не соображаю, куда лечу. Вы представляете, какой поклеп на честных птиц?! Это я, будучи человеком, немного переусердствовал, а к моему птичьему обличку медовуха никакого отношения не имеет.

Мало того, последовало нехорошее упоминание моей мамы и еще некоторых моих родственников. И хотя ни мамы, ни прочих своих родственников я никогда не знал (сирота я, знаете ли), мне стало вдруг обидно. Объяснять что-то было без толку, да и, честно говоря, лень. Поэтому я прикинул в уме методы воздействия на этого горлопана и выбрал наиболее гуманный: я его просто клюнул. Не очень, конечно, сильно, но вполне чувствительно. Он тут же бросился от меня прочь, отлетел на безопасное расстояние и еще пару раз каркнул мне что-то обидное. Тогда я сделал вид, что собираюсь его догнать, и возмущенное карканье мгновенно исчезло.

Еще немного позлившись на противного скандалиста, я успокоился и осмотрелся. Оказывается, за время всех наших разборок я изрядно отклонился в сторону от первоначального маршрута.

Вообще-то говоря, ориентируюсь в полете я просто прекрасно, но только не сегодня. То ли погода меняться собралась, то ли еще какой природный катаклизм назревает, не знаю. Но, так или иначе, я потерялся. И всё из-за этого каркающего воздушного хулигана.

Когда я осознал столь нелепый факт, мне стало обидно. Я слинял раньше времени с гулянки, со всех крыльев спешу домой, а дом от меня прячется. Кому-то, наверное, может показаться, что проблема не стоит выеденного яйца, и будет абсолютно неправ. Да, конечно, небо – это не глухие леса, и дикие животные тут попадают нечасто, но от этого легче не становится.

Сверху, да еще в темноте, все дома показались мне совершенными близнецами. Другой на моем месте впал бы в панику, но я, как обычно, оказался на высоте, причем в данный момент не только в переносном смысле этого слова. Из всех сил пытаюсь мыслить трезво, я пришел к выводу, что если совершать методичный облет города, то рано или поздно коварный Антипов терем попадетсЯ мне на пути.

Так, собственно, и произошло, терем действительно попался, причем именно на пути. Кружа в очередной раз над городом на бреющем полете, я не рассчитал высоту и врезался со всей дури (а ее у меня немало) в резного петушка на чьей-то крыше. Второе воздушное столкновение за вечер я перенес вполне сносно. Петушок разлетелся вдребезги, а я лишился очередного клокa перьев. Хорошо еще, что у меня голова крепкая, а то погиб бы в пернатом виде во цвете лет.

Чтобы хоть немного привести себя в порядок и собраться с мыслями, я занял место снежного деревянного собрата. Очертания дворовых построек показались мне смутно знакомыми. Конюшня, банька, погреб... Ну точно, я умудрился врезаться в собственный дом. От осознания того, что заветная мягкая, уютная кровать находится совсем рядом, я собрал остаток сил и взвился в небо. Поначалу план был максимально простой – спикировать куда-нибудь в укромный уголок, превратиться назад в человека и уже на своих двоих домой. Однако до глубины души знакомый силуэт в единственном освещенном окне заставил меня изменить тактику. Раз моя ненаглядная решила меня дождаться, то и я порадоую мелкую своим эффектным появлением.

По скорректированному плану это должно было выглядеть примерно так: я делаю крутой вираж, лихо влетаю в окно, проношусь над головой Селистенки по горнице и картинно возвращаю себе человеческое обличье с добавлением небольших световых и дымовых эффектов. Она, под влиянием увиденного, тут же прощает мне мой маленький загул и дарит свой необыкновенный поцелуй. Все веселы и довольны.

Однако жизнь ввела в данный план некоторые изменения, причем, на мой взгляд, совершенно излишние. Ну, во-первых, я заложил слишком крутой вираж и едва не снес одну из стовен. Во-вторых, от не очень удачного приземления я шмякнулся к ногам моей возлюбленной, растеряв при этом очередную порцию многострадального пернатого покрова. Ну и, наконец, я умудрился провалить и эффектное возвращение человеческого обличья (вот что делает с порядочным колдуном всего один несчастный лишний кувшин).

В результате я оказался у ног моей невесты в весьма потрепанном виде и не нашел ничего лучшего, как глупо улыбнуться:

– Ну что, не спится без Даромирушки-то?

Моя ненаглядная тут же запыхтела, словно самовар на ярмарке, уперлась кулачками в тощенькие бочка и начала набирать в легкие побольше воздуха, чтобы высказать всё, что она думает о моем поведении. Так как я о своем поведении всё знал и сам, то решил использовать это мгновение с пользой для себя.

– Любимая, дорогая, единственная и неповторимая! Как же я рад тебя видеть, ты даже не представляешь, как я по тебе соскучился. Как будто не полдня не виделись, а полгода!

Уфф... Всё-таки я и тут выкрутился. Да после такого приветствия ни одна женщина на свете не устроит скандал. А если и устроит, то совсем не такого масштаба, как собиралась всего минутой назад. Точно, моя ненаглядная стушевдалась и пытается сообразить, как же ей действовать дальше. Что ж, закрепим полученный результат.

– Можешь даже ничего и не говорить, я всё знаю. Да, при работе с местным населением немного увлекся, в чем смиренно признаюсь и предоставляю свою судьбу в твои прекрасные руки.

Поразительная ситуация, когда можно совместить приятное с полезным. Вроде и комплименты моей мелкой говорить самому приятно, а тут еще и польза от этого налицо.

– Конечно, ты в полном праве на меня сердиться, ведь я обещал, что начинаю новую жизнь, но, наверное, слишком уж резко начал. Знаешь, давай будем считать, что этот раз не считается и эту самую новую жизнь я начну прямо с завтрашнего утра. Днем раньше, днем позже, какая, в сущности, разница, ведь у нас еще вся жизнь впереди!

Всё в этом мире заканчивается, иссякло и мое красноречие. Однако задуманного результата я достиг. Селистенка уже не настроена метать громы и молнии. Оно и правильно, зачем воздух сотрясать, коли я и так всё понял?

– А ты ничуть не изменился, – со вздохом констатировала моя невеста.

– Люблю, целую, женюсь! Всё.

С этими словами я чмокнул мою ненаглядную, решительно повалился на огромную боярскую кровать и тут же заснул. Уже сквозь сон я слышал какие-то странные слова, что, мол, мне постелили в другой комнате, что мы еще не женаты и прочую ерунду в этом духе. Надо ли говорить, что на подобные условности я обращать внимание никак не собирался и в ответ только улыбался во сне. Помнится, моя мелкая пыталась меня разбудить и даже позвала на помощь Шарика, но у них, конечно, ничего не получилось. Хотя, если честно, разбудить меня не удалось бы никому. Сон мой был крепок и спокоен, а сновидения яркими и радостными.

Я проснулся! Если учесть, сколько я вчера выпил, то это уже можно рассматривать как достижение. Давно заметил такую странную закономерность: чем лучше было накануне вечером, тем хуже окажется утром. Так как вчера мне было очень хорошо, то расплата оказалась соответствующей. Более о своем состоянии мне сказать нечего.

Еще в скиту я заслужил почетное звание лучшего ученика и получил возможность неограниченного доступа в колдовскую библиотеку. Тот азарт, с которым я принялся изучать древние фолианты, поставил в тупик даже мудрого Серогора. Думаю, что мой незабвенный наставник очень бы удивился, если бы узнал, что целый месяц я потратил на безуспешный поиск одного-единственного заклинания – снятие похмелья.

Каково же было мое удивление, когда я его не обнаружил. Но ведь такого просто не могло быть! Фактически колдуну пятой ступени посвящения по силам любое врачевание. Мы можем сращивать переломы, снимать боль, приводить в соответствие с природным назначением запущенные внутренние органы и прочую мутотень. В общем, всё, кроме такой вот малости, как уничтожение последствий вчерашнего загула.

Однако парень я настойчивый и отказываться от намеченной цели не собирался. Я выбрал благоприятный момент и обратился к Серогору с просьбой научить меня этому заклинанию. И я был абсолютно уверен в успехе. Ну, во-первых, для белого колдуна такого уровня не существует запретных заклинаний, а во-вторых, я точно знаю, что молодость Серогор провёл весьма бурную, так что наверняка должен был знать заветные слова.

Но и тут меня ждал полный провал. Серогор только пожал плечами, тем самым расписавшись в своем бессилии. Поначалу я посчитал, что старый плут просто хочет утаить от меня хитрое заклинание, но мой наставник сопроводил свои слова настолько искренним вздохом, что я сразу же ему поверил. Так вздыхать может только человек, знакомый с проблемой.

Но это всё лирика, а в наступившее хмурое утро моим спутником стала грубая проза. Наконец-то открыв глаза, я обнаружил себя лежащим в кровати Селистены. Моя ненаглядная почивала тут же, как обычно свернувшись калачиком на самом краешке. Странно, как это лохматый борец за нравственность мог допустить такое?

Ответ нашёлся быстро, обозначив себя незлобным рычанием. Шарик лежал здесь же, на кровати, только в ногах, и зорко следил за моими движениями.

– Привет, лохматый, ты как?

– Р-р, – пожал плечами Шарик, мол, всё нормально.

– А я ненормально, – признался я моему вислоухому другу.

Тут мое внимание привлек большой кувшин с водой, стоящий на маленьком столике прямо передо мной. Это, наверное, Селистенка догадалась поставить, знает, что поутру после медовухи особенно пить хочется. Ну не невеста, а золото!

Однако вода в данном случае вряд ли мне поможет. И хотя нужное заклинание я так и не узнал, но кое-чему полезному в скиту я всё-таки научился. Раз, два, три, и вместо воды запенилась спасительная медовуха. Конечно, на вкус она сильно уступала произведению Матрены или, скажем, Кузьминичны, но мне сейчас было не до таких сравнений.

Потому что мне не то что не хотелось ее сегодня употреблять, да я глядеть на нее не мог и не смогу еще дня два, не меньше. Но сейчас она мне была необходима как лекарство. А кто сказал, что лекарство должно быть приятным? Оно должно помогать, а остальное уже не важно. Этому рецепту меня еще три года назад Едрена-Матрена научила, а ей я доверяю полностью.

Завязав себя в кулак, исключительно в медицинских целях, я выдул всю медовуху прямо из кувшина. При виде такого насилия над организмом Шарик заметно поморщился.

– А ты думал, легко так гулять? – подмигнул я псу и прислушался к своим ощущениям. К счастью, то, что я услышал, мне очень даже понравилось. Под влиянием самого лучшего лекарства мое тело мало-помалу начало принимать исходное состояние. Пенный мед сделал свое дело, и я почувствовал себя в некотором роде сносно.

Теперь, когда я поправился, настало время обратиться к окружающей меня действительности. Кудрявая часть этой самой действительности мирно сопела на самом краешке огромной кровати. Глядя на нее, я невольно расплылся в улыбке. Однако иллюзий у меня на ее счет не

было: этот милый ангел, как только проснется, устроит мне ту еще головомойку. Ведь не жена еще, а туда же. Что же будет, когда мы поженимся?

На минуточку я представил, что тогда будет, и от полученной картины кровь в венах побежала значительно быстрее, а на лбу выступили капельки пота. Почему-то мое воображение выдало мне исключительно приятные и пикантные последствия этого события. Что ни говори, но приятных сторон всё-таки больше.

Ладно, это будет чуть погода, а пока надо позаботиться о дне настоящем. Хотя вчера мне и удалось уболтать мою ненаглядную, не мешало бы сегодня немного подстраховаться. Мало ли с какой ноги она встанет?

Немного поразмыслив над вариантом страховки, я выбрал самый простой и, между прочим, беспроигрышный. Одно малюсенькое заклинание, и вся комната оказалась буквально завалена чудесными полевыми цветами. Они так нравятся моей невесте, что утреннего разноса можно не бояться. Интересно, а как остальные мужчины могут обходиться без колдовства?

Между тем цветочный аромат распространился по комнате и достиг милого и временно неконопатого носика Селистены. Хозяйка еще спала, а он решительно проснулся и принялся жадно втягивать чудесный запах. Спустя совсем немного времени моя солнечная заулыбалась во сне и с этой же улыбкой на устах открыла свои глаза.

– Доброе утро, радость моя! – поприветствовал я и протянул ей ромашку.

– Доброе утро... – протянула боярышня, приняла цветок и с восторгом уставилась на то буйство, что я устроил вокруг. – Ну ты и жук! – наконец выдала Селистена. – Знал же, что утром получишь нагоняй за вчерашнее, вот и расстарался.

– И в мыслях ничего такого не было! – голосом, полным обиды, возмутился я. – Просто хотел сделать тебе приятное. А что касается вчерашнего, смиренно жду сурового, но справедливого приговора. Раз заслужил, готов получить по полной программе, невзирая на прошлые заслуги и примерное поведение в будущем.

В маленькой головке немного поборолось два взаимоисключающих желания, и победа, конечно, осталась за мной.

– Да ладно уж, прощен. Что с тобой делать?

– Как что? Поцеловать, конечно, – немедленно подсказал я и наклонился к невесте, чтобы ей было проще исполнить задуманное мною.

– Р-р-р, – тут же раздалось за спиной.

– Да ладно, ладно, – буркнул я лохматому, отодвигаясь от Селистены. – Надо же быть таким вредным.

Шарик в ответ только широко зевнул, мол, ничего личного, работа такая.

– Знаешь, а ведь тебе придется выбираться, как пришел, – несколько неожиданно заявила боярышня.

– Как это?

– Ну не могла же я рассказать батюшке про твои вчерашние похождения, да и ночевать у меня в комнате тебе пока не полагается. Вот я и сказала ему, что ты на важной операции и вернешься только утром.

– Мудро, – одобрил я. – Антипу действительно необязательно всё знать.

– Именно. Так что обращайся в сокола, вылетай в окно, а уж потом возвращайся как обычный человек, через ворота.

– Договорились, я быстро, – торопливо сказал я и приготовился колдовать, однако Селистена меня остановила:

– Я надеюсь, что ты не будешь так часто использовать мою любовь к тебе в корыстных целях?

– Конечно, конечно, – не моргнув глазом пообещал я. – Это был первый и последний раз.

– Ты ничуть не изменился, – в очередной раз обреченно заметила боярышня, – дипломированный колдун, посох уже получил, а всё такой же.

– Посох, конечно, вещичка полезная, но я и сам... – начал было я развивать свежую мысль, но жуткое открытие заставило меня подпрыгнуть на месте от ужаса. ПОСОХ!!! Его нигде не было. Я точно помню, что к Матрене я пришел с ним, а ушел, ну то есть улетел, без него.

– Что с тобой? – увидев мое перекосившееся лицо, осторожно спросила Селистена.

– Да так, ерунда, маленькая проблемка (а если я его не найду, то станет большой), я сейчас метнусь в одно место и через часок буду уже дома.

С этими словами я превратился в сокола, но настойчивая боярышня решительно преградила мне заветное окно:

– Через час мы уже должны быть во дворце!

– Зачем это? – удивился я.

– Князь Бодун вестового прислал. Хочет послушать про пробышей и... – Селистена немного замялась, – на тебя посмотреть. Тебя ведь толком никто и не видел в человеческом облике.

Такой расклад в корне менял дело. Ну что ж, власть вправе полюбоваться на меня. Да и остальные пусть посмотрят. Против воспитания молодежи на достойных примерах я не возражаю, к тому же более достойного примера, чем я, им не найти.

– Ладно, давай сходим, – согласился я и опять попытался взлететь. Как и в первый раз, моя попытка закончилась неудачей из-за рыжей преграды у окна.

– И еще я бы хотела, чтобы ты посмотрел на эту кошку облезлую.

– Да что я, нашего Барсика не видал, что ли? – удивился я.

– Да не на Барсика, а на Сантану, – пояснила солнечная.

– Так это ты имеешь в виду княгиню? – наконец дошло до меня. – Ну ладно, уговорила, гляну и на нее. Теперь всё?

– Нет, – твердо заявила мелкая. – Я тебя никуда не пушу, ты наверняка опоздаешь, а мы обязательно должны быть во дворце через час.

– Раз должны, значит, будем. Встретимся через час у ворот дворца, – бросил я. Воспользовавшись небольшой паузой, я сумел ловко проскочить мимо боярышни и вырваться на свободу. И чего она так волнуется? Да я сама пунктуальность!

Ну да, я немного опоздал. Так это не повод, чтобы меня встречать с таким выражением лица, какие оказались у Антипа и Селистены. Между прочим, у меня были весьма уважительные причины для этого: я доедал вареники с вишней. Знаете, какие у Едрены-Матрены вареники? А раз не знаете, то и не говорите! Я, как специалист, могу сказать с полной ответственностью, что оторваться от божественного блюда просто невозможно. А с той горой, что мне навалила Матрена, никто не справился бы быстрее.

Однако всё по порядку. Я, как и подобает в исключительной ситуации, со всех крыльев бросился к трактиру Едрены-Матрены, ничуть не озадачивая себя необходимостью маскироваться. Ну да, соколы в городе гости редкие, но мне было не до условностей. Шуганув по дороге воронью стаю (в отместку за ночное воздушно-пернатое происшествие), я ловко спикировал прямо перед дубовой дверью и принял человеческое обличье. К счастью, свидетелей моей метаморфозы не нашлось.

Далее меня ждало мучение в виде женщины огромного размера. Обычно добрая и отзывчивая, Матрена вдруг ни с того ни с сего решила меня воспитывать. Сговорились они все, что ли? Ну все против бедного Даромира!

Высказав нелепую претензию насчет того, что я вчера перебрал, она заявила, что посоха у нее никакого не осталось, пить надо меньше, и вообще она не занималась следить за чужой

клюкой. Вот это новость! Меня чуть кондратий не обнял... Ведь потерять посох означает полный крах колдунской карьеры. Да после такого мне Серогор даже руки не подаст!

Видя, как меня заколотило, коварная Матрена сжалилась и призналась, что пошутила. После чего посох был возвращен мне в целостности и сохранности. При его передаче прозвучало циничное заявление, что это сделано исключительно ради моего же блага. Мол, чтобы я понял, осознал и раскаялся.

Ну видали вы где-нибудь такие шуточки? Я готов рвать на голове волосы, а она шутить изволит.

Из полубоморочного состояния меня вывел простой вопрос:

– Ты есть-то хочешь?

Еще не отойдя от пережитого и временно лишенный дара речи, я просто кивнул. В результате передо мной и возникла та самая плошка вареников. А так как у Матрены всё было под стать ей, то есть весьма внушительных размеров, то и плошечка оказалась соответствующей. И только проглотив второй десяток, я начал понемногу приходить в чувство. С каждым вареником сил у меня прибавляло, однако до конца гигантской порции было еще далеко.

Оставлять еду, причем такую дивную, я не привык, вот почему чуть-чуть опоздал на встречу.

Моему появлению обрадовался только верный Шарик, приветливо помахав хвостом.

– Я тоже рад вас всех видеть! – по привычке я начал общение первым. – Надеюсь, вы понимаете, что только из ряда вон выходящие события заставили меня опоздать?

Антип хотел что-то пробурчать, но, видимо, передумал и просто кивнул мне. Этот кивок я воспринял как приветствие и, чтобы не заводить ненужную дискуссию, взял свою невесту под руку и решительно вошел в ворота. Так как я повторно начал новую жизнь, то шествовал я спокойно и с достоинством, как и подобает зятю премьер-боярин а и солидному колдуну.

– Ты можешь объяснить мне, что происходит? — раздалось в моей голове знакомое шипение.

Ага, так я тебе и рассказал про вареники, держи карман шире. Опять начнется занудство про соблюдение приличий и прочих условностей.

– Пока не могу, — напустив туману в голос, ответил я, — скажу только, что я на верном пути.

Конечно, на верном, а то на каком же? Питание в нашем деле вещь первостепенная.

– Ты что-то от меня скрываешь? — не отставала рыжая.

– Конечно, нет. Как ты вообще могла такое подумать?

Наверное, мне пришлось бы услышать еще несколько вездливых вопросов, но, на мое счастье, из-за угла выскочила огромная рыжая псина и со всех лап бросилась к нам. Хотя если быть точнее, то не к нам, а к Шарикку. За ней несли целый выводок уже окрепших щенят. И только один-единственный сиял на солнце удивительным рыжим отливом своей шкуры, остальные были копией папаши.

Шарик при виде своей ненаглядной (а это конечно же была Золотуха) расцвел, словно мак на солнце.

– Р-р!

– Р-р-ре! – поздоровались ребята и приветливо ткнулись друг в друга мокрыми носами.

– Привет, красотка! – не остался в стороне я. Как-никак именно я первый познакомился с этой лохматой псиной и тем самым составил личное семейное счастье верных друзей человечества.

Золотуха, никогда не видевшая меня в человеческом обличье, с некоторым сомнением посмотрела в мою сторону, повела носом и вдруг завиляла хвостом. Признав, таким образом, свою былую страсть, она бросилась ко мне, явно намереваясь запечатлеть на моем челе невинный поцелуй своим огромным шершавым языком. Неожиданно как для вашего покор-

ного слуги, так и для самой Золотухи эта безобидная сцена вызвала бурное негодование Селистены и Шарика.

– Р-р-р! – грозно предупредил пес.

– *Прежде чем целоваться прилюдно с другой, подумай о последствиях!*

В некотором оцепенении мы с Золотухой уставились на них.

– *Слышь, Селистена, ты что, опять меня к ней ревнуешь?*

– *Еще чего, даже и не думала!* — вспыхнула боярышня и задрала свой носик, словно вымпел на княжеской ладье.

– *Ага, оно и видно,* — всё еще не веря своим ушам, заметил я.

– *Все вы, кобели, одинаковые!* — сморозила полную чушь моя будущая жена. – *За вами глаз да глаз нужен!*

– *Селистеночка, солнышко, ну сама посуди, что у меня может быть с Золотухой?*

– *Я еще не забыла, как ты с ней в будке миловался!*

Ну моя мелкая дает, ревновать к собаке – это же просто глупо! Да к тому же мои отношения с нею в старые времена были сугубо платоническими. Я хотел бурно выразить свои эмоции, но нас уже по традиции прервал Антип:

– Может, мы всё-таки дойдем до княжеского дворца?

Дворца, какого дворца? Ах да, мы же к Бодуну в гости идем! От возмущения я даже немного растерялся.

Всё еще продолжая негодовать (конечно же про себя) от нелепых обвинений в свой адрес, я отправился вслед за Антипом. Моя невеста, тоже находящаяся под впечатлением, тем не менее взяла меня под руку и последовала моему примеру. Сзади до нас доносилось недовольное рычание Шарика и удивленное ворчание Золотухи, видимо, собачьи разборки оказались значительнее...

До тронного зала мы добрались без происшествий, да и какие могут быть происшествия, коли мы уже в княжеском дворце? Правильно, практически никаких. Мы встали в дверях тронного зала, и расфуфыренный, словно индюк на смотринах, глашатай объявил наше прибытие:

– Премьер-боярин Антип с семейством!

Вообще-то я предпочел бы, чтобы меня объявляли персонально, ну да ладно. Уже неплохо, что меня включили в разряд «семейства». В прошлый раз я появлялся в этих стенах в виде лохматого друга человека. Так что если посмотреть на происходящее с этой точки зрения, то я получил однозначное повышение.

Тронный зал, как и подобает ему по статусу, был великолепен. Портило впечатление только огромное количество народу, равномерно распределившееся по периметру апартаментов. На мой вкус, присутствующих можно было бы сократить наполовину: и гула поменьше, и воздух почище. Ну да ладно, не у всех же такой изысканный вкус, как у меня, могу и потерпеть немного.

Согласно протоколу мы встали с правой стороны трона. Хотя, конечно, титул и положение были только у Антипа, но мы с Селистенкой решили не нарушать столь редкую семейную идиллию и последовали за премьер-боярином. Так, устроившись вполне сносно, я решил осмотреться.

Кого тут только не было! Ближе всего к трону, конечно, расположились чопорные бояре с масштабными женами и многочисленным потомством. Далее следовали заграничные вихрастые послы, дальняя родня князя и прочие бездельники. Ну и в самом отдалении от трона находились ратники и первые купцы княжества. В общем, скука, да и только, с моего последнего визита ничего тут не поменялось.

Единственным если не светлым, то хотя бы запоминающимся пятном во всем этом протокольном занудстве, как ни странно, был наследник престола Феликсист с группой ему подобных красных (хотя в цвете тут я могу и ошибиться) молодцев.

Княжич был не совсем обычной персоной. Не знаю, может, когда-нибудь таких вот личностей станет много, но в наше время он, мягко говоря, выделялся. Обвешанный какими-то несуразными бантиками и рюшечками, завитый и напудренный, благоухающий, словно цветочная клумба, он резко отличался от общепринятого образа князя и витязя. Другей он себе подобрал соответствующих, и вся эта пестрая компания разительно контрастировала с остальной людской массой.

Мое отношение к наследнику престола было сложное. Начнем с того, что прагматичный Антип собирался выдать мою рыжую за него замуж, чем, как вы понимаете, вызвал неприятие к молодому человеку. И ведь я понимал умом, что моя мелкая интересуется Феликлиста не больше, чем острокрылая ласточка интересуется петуха, но ничего поделать с собою не мог.

Внешний вид и манера поведения княжеского отпрыска, абсолютно неприемлемая для меня, также не прибавляла положительных эмоций.

Хотя если вдуматься, то ничего плохого он мне не сделал, и даже именно с его подачи я (точнее, Шарик) был произведен в ранг первого княжеского кобеля, а такой карьерный взлет для простого дворового пса вещь незабываемая. В общем, будем считать, что у нас с ним нейтралитет, он меня не касается, а я его не трогаю.

Разглядывая смелый наряд Феликлиста, я отметил, что ранее чересчур веселый и шумный княжич мрачен и явно чем-то озабочен. Такое поведение наследника престола показалось мне несколько необычным. Хотя что я знаю о его жизни, может, он с утра грибков несвежих съел и теперь животом мается? В любом случае желаю ему здоровья.

Дальнейший осмотр публики ничего примечательного не выявил. Я уже настроился на скуку, как, к своему удивлению, заметил, что подавляющее большинство из присутствующих собралось, чтобы посмотреть исключительно на мою персону. Несомненно, о моих похождениях знали все (ну то есть все, кто мог назвать себя культурным человеком), а вот видеть меня в человеческом облике посчастливилось немногим. Я, знаете ли, покинул двор на самом пике популярности, так и не дождавшись представления князю. Не могу сказать, что сделал это добровольно и с радостью, просто так сложились обстоятельства. Тем не менее справедливость, как обычно, восторжествовала, и ко мне оказались прикованы взгляды лучших людей княжества.

Осознав этот отрадный факт, я расправил и без того широкие плечи и напустил на себя ореол таинственности. А что? Для пущей важности.

Покрасоваться перед честным народом подольше не получилось – я неожиданно заметил среди присутствующих фигуру, которая заставила меня спуститься на землю. Поначалу мне вообще-то показалось, что я обознался, уж больно этот тип вел себя смирно и незаметно. Однако, присмотревшись, я был вынужден признать, что зрение меня не подвело и пред моими светлыми очами действительно предстал дальний родственничек князя Бодуна и мой (точнее, наш с Селистеной) давний недруг, Демьян.

Помнится, некогда этот молодец выглядел весьма респектабельно. Да и сейчас огромный рост, могучие плечи и цепкий взгляд никуда не исчезли из арсенала опального княжеского любимца. Но вот личико бывшего первого витязя посредством небольшого хирургического вмешательства внушительных клыков Шарика в моем исполнении вид имело не такой привлекательный. Лично мною сломанный нос больше всего напоминал перезрелую сливу (и цветом, и формой), да и пересекавшие лицо шрамы от ногтей моей благоверной, как ни странно, не зажили за эти годы и отсвечивали багровым цветом.

Вы не думайте, я совсем даже не жестокий колдун и так его уродовать не собирался. В моих планах (за все его подлости и гнусности) было просто и изящно перегрызть ему горло. Но тут в дело вмешалась излишне миролюбивая Селистена, и мне пришлось ограничиться косметическим вмешательством. Так, вместо того чтобы получить по заслугам, Демьян получил по физиономии и отбыл в ссылку.

Тут наши взгляды встретились, и меня обдало жаром ненависти. А вот это сколько угодно, я тебя и раньше-то не шибко боялся, а уж теперь и подавно. Причем на этот раз постараюсь обойтись без рыжих гуманных свидетелей и привести давно вынесенный приговор в исполнение.

И хотя самого Демьяна я ничуть не опасался, но подробности его возвращения хотелось всё-таки узнать. Внимание окружающих к моей персоне заставило меня перейти к безмолвной речи. Как вы понимаете, моим собеседником оказалась моя не шибко крупная невеста.

– *Слушай, а что этот тип в городе делает? Его же вроде Бодун сослал на дальнюю заставу.*

– *Уже с месяц как вернули.* — Селистена поняла, кого я имею в виду. – *Говорят, по личному распоряжению княгини.*

– *Княгини?* – Я не поверил своим ушам. – *Какая может быть связь между княгиней и Демьяном, и потом, как это Бодун согласился с его возвращением?*

– *Да Бодун твой сделает всё, что эта пакость пожелает,* — не выдержала и перешла на повышенные тона Селистена. – *А насчет связи точно не знаю, хотя некоторые соображения есть. В конце концов, весь город в курсе, что Демьян нас с тобой ненавидит и готов на всё, чтобы отомстить.*

С моей точки зрения, версия притянута за уши и придерживать ее можно только с большой осторожностью. Моя мелкая вообще в последнее время стала большой фантазеркой. Хотя прислушаться к ее словам конечно же следует.

– *Ладно, разберусь и с ним,* — успокоил я невесту. – *Жалеешь небось, что не дала мне его прикончить?*

– *Нет, не жалею,* — как ни в чем не бывало заметила моя рыжая, — *я и сейчас считаю, что надо быть гуманнее и добрее.*

Во дает! Да этот тип ее чуть к праотцам не отправил, а она туда же – гуманизм и прочая ерунда. Ну да ладно, я как-никак рядом и условностями не стеснен. Я уж хотел прочесть моей доверчивой половине маленькую нотацию о вреде ее жизненной позиции, как всё тот же громогласный глашатай известил о прибытии первых лиц государства.

Дубовые резные двери распахнулись, и в зал вошел князь с княгиней. Хотя нет, в зал вошла княгиня, а Бодун, распушив крылышки, порхал вокруг своей женушки, словно пчела над цветком. Откровенно говоря, ранее такое поведение князю свойственно не было. Он же как-никак самодержец, а не мальчишка влюбленный, ему по статусу такое поведение не положено. Однако Бодун был явно не настроен соблюдать дворцовый этикет и даже не старался скрыть свое глубоко романтическое отношение к молодой супруге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.